

Тюмень Литературная

Газета русской литературы и культуры
RUSSIA № 1 (82) 2005 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

• Ветеран. Художник С.П. Ткачев. 1985 г.

Шестидесятилетие Великой Победы!

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

НАШЕСТВИЕ

Немецкие солдаты ведут бой под Брестом. 1941 г.

“В атаку !” Комбат Красной Армии

В районе Красной Поляны войска 16-й армии захватили два сверхтяжелых орудия, специально доставленных фашистами для обстрела Кремля

Отвоевались. Подняли вверх руки!

Плакат времён войны

Вечно сиять Русской Победе !

С Великой Победой вас, Русские люди! С Великой Победой вас, граждане России, граждане всех нынешних государств, недавно составлявших могучий Советский Союз! С Великой Победой вас – все честные люди нашей планеты Земля!

Пройдут еще немногие годы, на планете не останется ни одного солдата Второй Мировой, а для нас – Великой Отечественной войны, но навсегда в памяти людской, в памяти всего мира двадцатый век останется – Русским Веком. Потому что героический подвиг Русского солдата в середине 20-го столетия не позволил повернуть ход истории человечества – в направлении гибельном для всех землян. Германские фашисты, гитлеровцы, хотели силой оружия поделить человечество на господ и рабов, истребив всех «неполноценных». Мы, русские, значились первыми в этом кровавом списке. За нами далее ряд других народов и наций. Спасенных русским оружием, храбростью бойцов, волей и умением советских маршалов и генералов, провидческим талантом стратега и гениального человека – Верховного главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

«Наше дело правое – мы победили!» – выбито на Главной медали Великой Отечественной войны. Медали «За победу над Германией». Медаль эту в праздники Победы прикалывал к гражданскому пиджаку и мой отец – бывший рядовой красноармеец Отечественной. С гордостью носят эту медаль сегодня уже немногочисленные солдаты и офицеры далекой войны. И в День 60-летия Победы мы низко кланяемся этим оставшимся, живущим среди нас, воинам, также всем тем, кто полёг на полях сражений, кто в силу возраста или тяжких ранений не дождался сего дня. Кланяемся Русским женщинам, всем женщинам военного тыла, мальчикам и подросткам, кто обеспечивал нашу армию оружием и хлебом, работая днями и ночами в цехах заводов и фабрик, на хлебных нивах и фермах.

Моё поколение, родившееся в сороковых-роковых, увидело уже плоды Победы, восстанавливаемые и отстроенные в короткий срок заново – разрушенные войной села, города. И впитало в себя великий пафос эпохи, гордость за свою многонациональную Родину, преклоняясь перед подвигом героев, не щадивших своих жизней во имя спасения Отечества. Потому моё поколение – это поколение патриотов. Потому моё поколение никогда не потерпит тех лающих шавок, которые злобно стремятся и очернить Победу, и сожалеют также о том, что не немцы победили, а русские и другие народы, давшие отпор нашествию гитлеровцев и их союзников.

К большой беде нашей Родины, слабостью и неумелостью властвующей верхушки, предательством «внутренних врагов», демократов-троцкистов, некогда могучее Отечество наше настолько ослаблено, что его пытаются унижить даже карликовые латвии, никогда не мыслившие ранее о своей государственности. В этих латвиях поднял голову фашизм, жестко притесняя русское население, оскверняя памятники и могилы павших воинов Советского Союза. И у нынешних наших правителей не находится ни воли, ни стремления дать отпор недобиткам, поставить на место зарвавшихся карликов.

Слабых бьют. Это проверено историей. Это наглядно видно по состоянию нынешней российской армии и флота. Способны ли были бы нынче униженные россиянки части, «спецназы» сдержать врага на подступах к Москве, как было в тревожном 41-м? Способны ли бы были нынешние «федералы» выиграть Сталинградскую битву или сражение моторов на Орловско-Курской дуге, совершить операцию «Багратион», взять штурмом фашистское логово Берлин? Нет. Однозначно. Разве что способно это камуфляжное воинство под началом гражданского министра филолога проводить «войсковые» операции в мятежной Чечне, трубя потом об уничтожении какого-нибудь «кровавого полевого командира»... И дело не в бойцах. Русскому воину всегда хватает мужества проявить героизм, совершить подвиг. Но горе войску, когда ведут его бараны, а не львы! Слава Великой Победе! Слава Русскому, советскому оружию!

**Николай Денисов,
главный редактор.**

Генералиссимус ПОБЕДЫ

Александр Вертинский ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград!
И в слепые морозные ночи,
Когда фронт заметала пурга,
Эти ясные, яркие очи
До конца разглядели врага.
В эти чёрные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?
Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.
И, когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?
Он взрастил их. Над их воспитаньем
Много думал он ночи и дни.
О, к каким грозным испытаниям
Подготовлены были они!
И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.
Как высоко вознёс он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей!
Тот же взгляд. Те же речи простые.
Так же скупы и мудры слова...
Над военною картой России
Поседела его голова.

1945

Тост И.В. Сталина на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года

Товарищи, разрешите мне поднять еще один последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие.
За здоровье русского народа!

* * *

К ЧЕМУ СТРЕМИЛИСЬ ГЕРМАНСКИЕ ФАШИСТЫ?

А. Гитлер: «Надо любыми средствами добиваться, чтобы мир был завоёван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего потеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого».

«Майн кампф».

* * *

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЛАНЫ США. Из секретного доклада директора ЦРУ Алена Даллеса, 1945 год:

«Окончится война, всё кое-как утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем — золото, всю материальную помощь на оболванивание людей».

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там (в России) хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинных массах народа.

Литература, театры, кино — всё будет прославлять и изображать самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху... Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будет осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов и прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё расцветёт махровым цветом.

И лишь немногие будут догадываться и понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и обьявить отбросами общества.

Будем вырывать духовные корни большевизма, опошлять и расшатывать таким образом основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, вытравлять этот ленинский фанатизм.

Мы будем драться за людей с детских лет, с юношества, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы и сделаем».

Послесловие. Практика жизни последних десятилетий существования Советского Союза, а затем ельцинско-гайдаровско-чубайсовского (и прочего) беспредела в России подтверждают, что планы эти почти полностью осуществлены.

К. А. Васильев. Прощание Славянки. 1975 г.

Сталин в оценке современников

Сталин был великим тружеником, не щадившим себя в работе во имя достижения великой цели – Победы. Надо же понять, какую неимоверную тяжесть вынес на своих плечах этот человек, сколь много отдал сил и сделал для Родины.

Известный русский политический деятель А.Ф. Керенский, бывший в 1917 году премьер-министром и верховным главнокомандующим, в одном из интервью сказал: «Сталин поднял Россию из пепла. Сделал великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество».

Питер Устинов в книге «Моя Россия» имел основания заявить: «Вероятно, никакой другой человек, кроме Сталина, не смог бы сделать то же самое в войне, с такой степенью беспощадности, гибкости или целеустремленности, какой требовало успешное ведение войны в таких нечеловеческих условиях».

Бывший диссидент, философ, социолог и писатель А. Зиновьев имеет основания утверждать: «И Великую Отечественную войну мы могли выиграть благодаря коммунистической системе. Я ведь войну с первого дня видел, всю её прошел, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году».

Великий ученый В.И. Вернадский писал в своём дневнике в ноябре-декабре 1941 года: «Мне вспомнились высказывания Ивана Петровича Павлова... Он определенно считал, что самые редкие и самые сложные структуры мозга – государственные деятели, Божьей милостью, если так можно выразиться, природенных. Особенно ясно для меня становится это, когда в радио слышится Сталина речь... такая власть над людьми и такое впечатление на людей...»

Так, после разгрома немцев под Сталинградом, по свидетельству В. Шелленберга, шеф гестапо Мюллер заявил ему: «Подумайте только, что пришлось перенести его системе (системе Сталина. – авт.) в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав...»

Маршал Советского Союза А.М. Василевский: «О Сталине как военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военное решение».

Маршал И.С. Конев: «Очень интересна была реакция Сталина на наше предложение присвоить ему звание генералиссимуса. Это было уже после войны. На заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, присутствовали Жуков, Василевский, я и Рокоссовский (если не ошибаюсь). Сталин сначала отказывался, но мы настойчиво выдвигали это предложение. Я дважды говорил об этом. И должен сказать, что в тот момент искренне считал это необходимым и заслуженным. Мотивировали мы тем, что по статусу армии полководцу, одержавшему большие победы, победоносно окончившему кампанию, присваивается такое звание».

Адольф Гитлер, фюрер Германии («Застольные разговоры Гитлера»). Запись от 22 июля 1942 года: «... И чем больше мы узнаём о том, что происходит в России при Советях, тем больше радуемся тому, что вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постепенно становились бы всё более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением об-

ладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно бы деградировала...»

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии – наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своём роде он просто гениальный тип... А его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырехлетние (немецкие – авт.) планы».

Уинстон Черчилль: «Большое счастье для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин».

Корделл Хэлл, государственный секретарь США в годы войны, отмечал: «Сталин – удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет».

Примечательно высказывание Владимира Солоухина об отношении народа к Сталину. В своем произведении «Чаша», опубликованном уже после его смерти, он писал, что народ «... любил его самозабвенно. Разве не рыдали в дни его похорон миллионы россиян, начиная с домохозяек, кончая маршалами Рокоссовским и Жуковым (а ведь Рокоссовский уже успел «посидеть», прежде чем его позвали командовать). Разве сотни стихов и песен о Сталине не говорят об искренней любви к этому неоднозначному человеку? Почему нет ни одного стихотворения о Хрущеве, о Брежневеве? Одни анекдоты!»

Комментируя отрывок из пронзительной песни Александра Вертинского «Песня о Сталине», В. Солоухин писал так: «Я позвал своего приятеля, дача которого в пяти минутах ходьбы, фронтовика и даже участника Сталинградской битвы. Хотелось поделиться такой находкой. Особенно «злободневно» теперь, в 90-е годы, при полном развале государства звучали слова:

Как высоко вознес он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей!

Все ниже клонилась голова моего «сталинградца», под конец даже не слезинка ли сверкнула в уголке глаза. Он тихо с горечью сказал: «Всё мы потеряли, всё...»

Публицист В. Нилов: «Переоценка советского режима и роли Сталина настоятельно диктуется жутким настоящим – потерей статуса второй сверхдержавы мира, развалом тысячелетней империи, развалом экономики, умирающей наукой, многомиллионной безработицей, выправлением национального сознания из народа, разваленной и голодающей армией, на которую отпускаются из бюджета мизерные средства...»

Только сейчас, на фоне того, во что Россия превращена, становится ясным, что совершила страна во главе со Сталиным, только сейчас мы можем оценить в полной мере подвиг, совершенный им!»

(Из книги Б.Соловьёва и В. Суходеева «Полководец Сталин»)

«МУЖЧИНЫ УМИРАЮТ, ЕСЛИ НУЖНО»

Михаил Львов

ПОСЛЕ АТАКИ

Кто раз прошел пробег короткий
На поле боя по ничьей,
Врага увидел пленным, кротким,
А полосу ничью – своей,
Тот не отдаст врагам оружие,
Не сдастся в жизни он живьем.
От века скидок нам не нужно,
Свой век, как нужно, проживём.
И славы не попросим даром,
Но если, ненависть храня,
Воспрянет враг и под ударом
У танка выгнется броня, –
Как в молодости, встанем рядом,
Не зная, долго ли нам жить,
Окинем расстоянье взглядом –
И всё сумеем повторить.

1945

* * *

Чтоб стать мужчиной,
мало им родиться,
Чтоб стать железом,
мало быть рудой.
Ты должен переплавиться.
Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Как трудно в сапогах шагать в шеле!
Но ты солдат, и всё сумеи принять:
От поцелуя женского до пули –
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти –
тоже ведь оружие.
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1943

Александр Снитко

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

На сапогах комками глина –
Из боя в бой, и как тут быть! –
От Сталинграда до Берлина
Их было некогда помыть.
Вся гимнастерка в пятнах пота
Да и в крови –
Следы от ран.
Погоны – в них не позолота,
Земля всех европейских стран.
«Не на смотре, не на параде, –
Шутил, смущенье пряча в ус. –
Коль не убьют, домой вернусь,
Поди, такому будут рады».
Вернулся...
В доме половица

Скрипела, как и до войны.
Лишь постарела молодлица,
Да очень выросли сыны.
Вернулся,
Будто бы с работы.
Жене сказал:
«Готовь обед...»
В седых висках росинка пота,
В глазах остановилось что-то,
Чему войной не дан ответ.

БОМБЁЖКА

До сих пор мне снится
та бомбёжка:
Вздрыгнула и вздыбилась земля,
Всё тогда исчезло, даже ложка, —
Ложка деревянная моя.
Где она? Где хата? Где игрушки –
Прыткий мяч и всадник на коне?..
За рекой, за дальним лесом пушки
Грозно говорили о войне.

Долго я боялся, что осколки
Снова песню смерти пропоют.
Те осколки, острые да колкие,
И сегодня спать мне не дают.

Я пишу, конечно, не про ложку
(разве в ложке дело – право, нет) –
Про детей, что за одну бомбёжку
Повзрослели на десятки лет.

Нам за то не выдали медали –
От врага мы не спасли страну.
Мы на фронт немного опоздали,
Мы не опоздали на войну.
Белая Калитва – Пермь.

Виктор Жорник

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Закат дымился и пылал,
Кончался день июльский, душный.
С мальчишками я наблюдал
Двух самолетов бой воздушный.

Нам поначалу этот бой
Игрой невинною казался:
Летел стрелою «ястребок»,
А «юнкерс» глухо огрызался.

Цветными строчками огня
Над горизонтом пули плыли.
Качалось небо...
И в меня,
Казалось, пулемёты били.

Пошел, пошел на разворот
Фашист, помеченный крестами,
А «ястребок» летел над нами,
Был виден хорошо пилот.

Взметнулся в небо «ястребок»
Почти свечой, чтобы оттуда
Стервятнику ударить в бок.
Победы ждали мы, как чуда.

А где-то рядышком, с земли,
Зенитка вдруг заговорила.
Она почти прицельно била.
Мы дружно ей кричали: «Пли!»

Казалось, наши голоса
Услышали артиллеристы.
Миг – потянулась полоса
Огня из-под крыла фашиста.

Он уходил наклонно вниз,
Взорвался где-то за садами.
А «ястребок», под шум и визг,
Повторно пролетел над нами.

Домой не шли мы дотемна,
В Победу нашу веря свято.
Играли в летчиков ребята,
В войну играли. Шла война...
Краснодарский край.

Иван Яган

СОРОК ПЕРВЫЙ

Прошлое болит и беспокоит...
Сорок первый горемычный год.
Что ни месяц – то в селе покойник,
А в полгода – двадцать пять сирот.
Помнится земля от слез соленой.
Закрома очистил недород,
Ждали и боялись почтальона:
Вдруг да горе в сумке принесет.
Он входил в деревню, бледный, слабый,
С болью, что не спрятать на лице.
И взывали неутешно бабы –
Не на этом, так на том конце.
Дни текли. Куражились метели.
Но слезам и вьюгам вопреки
На деревне часто песни пели.
Грянет песня вдруг – и никаких!
Поплывет и растревожит души,
И дружнее спорились дела.
Ни одна в Байдановке Катюша
Верила и письма берегла.
Сквозь метели и морозы злые,
Созревая нас теплом живым,
К нам летели письма фронтовые
Из-под самой матушки-Москвы.

И ПОТОМУ ЖИВУТ В ВЕКАХ ОНИ...»

– Жив-здоров! –

А нам того и надо.

– Враг бежит! –

А мы того и ждём.

*И победным гулом канонады
Наполнялся наш дерновый дом.
Под Москвою выиграна битва!
Не согнулась Курская дуга!
И была у бабушки молитва
В эти дни проклятьем для врага.
К чудом сохранившейся иконе
Встанет бабка к западу лицом
И начнет отвешивать поклоны
В честь земных сынов и их отцов.*

«Слава отцу и сыну!

Дай, бог, им ратного духа.

Накажи ты вражину

За такую разруху.

Сохрани ты, Господи,

Сидора с Пашей,

Накажи ты Гитлера

За мучения наши.

В каждую печенку –

Сто ему иголок

За все наши слезы,

За холод и голод...»

...И, прося врагу у неба смерти,

Еще крестьян,

вдруг крикнет грозно нам:

– Вы снова снегу натащили,

черти!?

Вот я сейчас вам, нехристи, задам!

г. Курган

Алексей Смольников

НА ПРИЁМЕ У ДОКТОРА

– Дышите глубже. Так. Еще.

Вот так... –

Мой доктор

стетоскоп переставляет.

Седой чудак, что обо мне он знает!

Как я дышу?

А в самом деле – как?

Я никогда не слушал, как дышал.

Наверное, дышалось мне неплохо:

В твой крестный час –

Не дай соврать, эпоха! –

Я от своих полков не отставал.

– Простуда?

– Да, наверно, простывал.

– Курил?

– Курил. Вкусна была махорка,

Когда с высот Зееловских,

с пригорка

Берлин на горизонте проступал!

– Одышка?

– Доктор, ветры всей Земли

С сиренью вешней,

с гарью,

с горьким дымом –

Мы пили их!

Мы были молодыми,

Мы надыхаться миром не могли!..

Когда б всё это было не со мной –

Прости меня, старик,

за простодушье, –

Не от одышки б умер,

От удушья,

Как рыба та,

что выбросил прибой!

1970

Михаил Абрамов

ЗАБВЕНЬЯ НЕТ!

Друзья мне говорят порою:

Забудем прошлое, Солдат!

А я – едва глаза закрою,

Как рядом плюхнется снаряд!

Чужой снаряд огромной силы

Соседский вывернул окоп!

И не нужна была могила,

И не понадобился гроб!

А сколько их, таких по свету

Войной посеяно могил?

Где даже обелиска нету,

Где только дождик слезы лил!..

И тяжести, что гнёт мне спину –

Делись я ею, не делись! –

Её не только мне и сыну,

И внукам хватит на всю жизнь!

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Хотя фашистского рейхстага

Мне штурмовать не довелось,

Пьянила гордость, словно брага,

Когда я в нём бродил, как гость.

Темнел под слоем штукатурки

Изрытый взрывами паркет,

Синели гильзы, как окурки,

Валялся Гитлера портрет.

Хрустели стёкла под ногами,

Прохладой веял сизый мрак.

А выше купола, как пламя,

Плескался наш победный флаг!..

Я и сегодня ясно помню

Тогда притихнувший Берлин,

И было очень нелегко мне

Смотреть на скопище руин.

Я думал: в чём же виновато

Творенье чьих-то добрых рук?!

Нам всем бы жить,

как с братом брату,

Да делом радовать подруг...

Открыты внукам зори века,

А взрывы всё гремят, гремят...!

И жизнь простого Человека

Дешевле стала в тыщи крат!..

г. Тула

Федор Востриков

ОБЕЛИСК

Обелиск поставили в деревне,

На открытые стар и мал пришел.

Тоненькая веточка сирени

Поднялась на белый частокол.

Вспомнил каждый дорогое имя –

И зажглись рябинами венки.

И, скорбя, в молчании над ними

Головы склонили земляки.

И старушка сухонькая строго

Молвила, крестьян на обелиск:

«Ну, теперь покойна, слава Богу,

Все в деревне детки собрались».

г. Пермь

1

День Победы я встретил семнадцатилетним юношей. А День освобождения столицы Белоруссии Минска несколько раньше – 3 июля 1944 года. Окончательное изгнание фашистов из родной мне Брестской области наступило 28 июля...

Война для меня, юного партизана-разведчика отряда имени Димитрова, входившего в партизанскую бригаду имени Пономаренко, действовавшую на территории нашего района, в те дни и окончилась.

Расскажу как мы сражались с врагом, кровавые действия которого я увидел уже в первые часы войны, 22 июня 41-го, и люто возненавидел захватчиков. В те первые мгновения войны был я свидетелем, как немецкие самолеты бомбили мосты через реки, бомбили военные объекты, разрушали всё, что могло бы помешать отходу войск Брестского гарнизона. На моих глазах одна из бомб попала в угол железнодорожного вокзала, разрушила его, подожгла. Погиб дежурный по станции...

Потом было много крови...

Наш партизанский отряд уничтожал живую силу и технику врага, лишал его телефонной и телеграфной связи, электроэнергии. Мы устанавливали мины на перекрестках дорог, на мостах, в цехах локомотивных и вагонных депо, у зданий водоканалов, на угольных складах, на стрелках, в тупиках отстоя вагонов и так далее. Сжигали склады с продовольствием и боеприпасами, казармы, бани, строения в местах дислокации немецких войск. Подрывали поезда и отдельные цистерны с горючим. Охотились за высокими немецкими чинами. Препятствовали угону молодежи на каторжные работы в Германию, выискивали и уничтожали предателей. Брали языков. По возможности оповещали жителей деревень о налетах карательных отрядов СС и СД. Не раз вызволяли своих товарищей от расстрела и виселиц...

Много дел было у белорусских партизан. Их слава известна во всем мире!

Наши войска отступали от границы с

ПАРТИЗАН-РАЗВЕДЧИК «СОЛОВЕЙ»

Польшей раздробленными группами – лесами, болотами, по тропам и проселочным дорогам. Изнуренные переходами и голодом, они не могли нести своё снаряжение. Разбрасывали по частям в кустах и лесных колках. Мне, пастушку, приходилось нередко все это подбирать, прятать под кучи хвороста, в ямах, в лисьих норах, в муравейниках и гнёздах больших птиц. Потом, в ходе партизанской войны, всё это очень пригодилось. Уже в первые дни формирования нашего отряда я передал партизанам десятки винтовок, три пулемёта ПД, несколько наганов и гранат, множество отдельных винтовочных стволов, затворов и ящик патронов. А затем – еще один пулемет с несколькими пулеметными лентами.

Вооружение отряда пополнялось и немецкими автоматами, другим снаряжением, добытым у врага. Например, в поселке Нехачево, что в 126 километрах от Буга, находились немецкие казармы с учебным полигоном. Немецкие части здесь отдыхали, проводили учение и переформирование. Уходили на передовую. От ухода одной части до прибытия другой проходило около десяти дней. Неподалеку, на станции Коссово, оставалось множество ящиков, коробок, упаковочной бумаги, прочего хлама и мусора. Но дело в том, что в этом хламе находилось немало винтовочных патронов, дисков, магазинов, обойм, лент, гранат, противолетных мин. Попадались автоматы с небольшими полкомками. А также посуда, канцелярские товары, солдатская амуниция. На уборке этого «хлама» работали женщины из местного населения. Выносили подальше от построек и сжигали, закапывали, конечно, под строгим присмотром немецкой стражи.

Работал здесь порой и я с ровесниками. Боеприпасы, патроны, амуницию мы, конечно, отсортировывали, укрывали, прятали, затем передавали в лес партизанам. Помогали нам и женщины, группой которых руководила моя старшая сестра Зося.

Нередко собранное для партизан в мешках и ящиках переносилось за околицу поселка, а ночью мой брат Иван подъезжал на лошади, запряженной в телегу, отвозил все в партизанский лес.

Наша семья вся помогала партизанам. Стирала бельё, чинила обувь, седла, сбрую, ремонтировала телеги, сани, заготавливала сено для лошадей. Выращивала и скот на мясо для партизанского пропитания. Партизанская война с немцами длилась ведь три зимы и три лета...

Наш хутор Залесье уже осенью 1941 года стал местом дислокации штаба отряда, действовавшего в тылу врага. Здесь пересекались пути первых партийных партизанских ячеек, первых, еще разрозненных, групп. Организаторами народных мстителей стали армейские офицеры, которые, будучи слабыми, большими, при отступлении нашли приют у одиноких старушек под видом их сыновей.

Пустить под откос вражеский эшелон – было задачей номер один. Если это удавалось, то врагу наносился не только материальный ущерб, но приостанавлива-

лось движение эшелонов к фронту. На восстановление железнодорожного полотна, если происходил взрыв вагонов со снарядами, требовалось немало времени, проложить новую ветку по заболоченной местности фашистам и вовсе удавалось нескоро.

За годы партизанских действий вдоль железнодорожного полотна по направлению – Брест – Барановичи – Минск – Орша были нагромождены груды обгоревшего металла от подвижного состава и боевой техники немцев.

В первые месяцы войны подложить под рельсы самодельный взрывной снаряд не составляло особых трудов, с каждым месяцем 42-го года обстановка обострялась и усложнялась. На полкилометра от железнодорожного пути немцы спиливали деревья. Вырубали кусты. Все пространство перед насыпью железной дороги минировали. Через километр-два устанавливали наблюдательные вышки-посты и ДЗОТЫ по два пулемёта в каждую сторону. Сгоняли местное население для принудительного прочесывания подступов к магистралям. Усилили освещение. Пропускали специальные дрезины перед следованием воинского эшелона, ночью скорость движения понижали до предела. На разъездах держали передвижные мастерские-летучки, а на станциях даже восстановительные поезда.

Борьба пошла по принципу: кто кого перехитрит! Партизаны посылали нас, подростков, туда, где взрослый вызывал у врага подозрение. Из множества обязанностей мне, партизану-разведчику «Соловью» (мой позывной), вменялось водить по минному полю группы взрывников к полотну железной дороги. Здесь требовалась подготовка. Визуальное наблюдение, запоминание и изучение ситуации по охране путей. Сколько солдат заступает в ночную смену, где происходит их пересмена, как часто они проходят по путям, где встречаются с соседним патрулем, время их разговора и возвращения.

Наблюдения я вел днём и ночью под видом пастуха или грибника с корзиной в руке. Каждому разведчику по неписаной инструкции допускалось разрабатывать свою технологию запоминания. Я, например, схему проходов в минном поле наносил при помощи сосновых иголок на шляпки грибов. Приходилось отыскивать малозаметные тропки, запоминать каждую кочку, обозначая проходы и условными вешками. Чаще всего – еловыми шишками, корой пенечков, ветошью, заламывал ветки растений. Словом, пробить «трассу» для прохода группы взрывников требовалось немало смекалки. Например, немцев буквально шокировали надписи «ТИФ». Латинскими буквами. Дощечки на калитках дворов с такими надписями отпугивали врагов, спасли немало наших людей от немецких грабителей, мародеров.

Однажды применил я такую хитрость. Закатал штанины до колен, натер обе ноги едким лютиком, пошел прямо к немецкой

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

наблюдательной вышке. Глядя на мои коросты, фриц остановил меня за десять от себя шагов, показывая жестом – ждать. Вернувшись из блиндажа, бросил мне под ноги кусочек бумаги, где было написано время, к которому я должен был прийти за лекарством. И тут же показал мне проход, свободный от мин. По этому, заросшему травой проходу, подходила смена у немцев и проверяющее начальство. Так судьба подарила мне и моим боевым друзьям еще одну артерию жизни, возможность уберечься от расставленных вражеских мин, выполнять задания командиров.

2

Я, Микитич Павел Васильевич, родился 12 мая 1928 года на территории Высоковского сельсовета Брестской области в крестьянской семье. Среди четверых детей и трёх братьев был самым младшим. Родители жили бедно, приходилось им помогать, пас скот. Пастушку сельского скота платили мало, в основном – рожью. Повседневное общение с природой потом отразилось на моем поэтическом творчестве. Издал несколько поэтических сборников. Писать трудно и по причине слабого зрения. Почти совсем ослеп...

Но это к слову. О днях сегодняшних.

В начале статьи своей я остановился на лете сорок четвертого, когда для меня война окончилась. Фронт уходил все дальше на запад, оставляя у себя в тылу сожженные деревни, села, разрушенные города, железные магистрали.

Конечно, надо было учиться, как я хорошо понимал в ту пору. Сдал экстерном за семь классов и поступил в Брестский железнодорожный техникум. Окончив его, стал техником по эксплуатации железных дорог. При распределении мне досталось Тюменское отделение Свердловской магистрали.

С 1951 по 1962 годы был начальником станции Подъём, где и встретил другую жизнь Надю, с которой прожили в любви и согласии 47 лет.

Работал и учился в заочном Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Отдал дороге 49 лет жизни. На пенсию ушел с должности старшего инженера. Вырастил сына. Есть садовый участок. Пишу книги. Не мыслю себя жить без общественной работы, как и большинство, наверное, людей из нашего поколения. Люблю петь, танцевать...

Нет-нет да и дает о себе знать военный осколок в ладони левой руки. А две контузии вызывают шум и продолжительные боли в голове. Всю войну носил крестик и образок Божией Матери, и еще томик Пушкина, в котором тоже, как и в моей ладони застрял осколок от мины...

А рассказал я все это для того, чтобы поделиться с молодыми воспоминаниями о том времени, когда мы юными приближали великий День Великой Победы.

Отрадно сознавать, что мои скромные дела влились в это историческое событие. А Родина оценила мой ратный труд орденом Отечественной войны второй степени и пятнадцатью медалями.

Павел Микитич,
г. Тюмень.

Расскажу о подростках военной поры, которые вместе с матерями вынесли всю тяжесть того сурового лихолетья. Они в моей судьбе как светлое и горькое воспоминание. Те подростки, что старше были моих ровесников всего-то на два-три года, умели делать всё, что было нужно тогда в сибирской деревне.

Помимо колхозных работ и учебы в школе, копали огороды вручную – лопатами по 30–40 соток, рубили дрова, косили сено, метали зароды, умели направить косу, наточить топор, обучить молодую лошадь или корову ходить в упряжке...

А еще ребята эти умели вязать сети, ловить рыбу, наладить огородные прясла и – многое другое. Они никогда не жаловались на трудности жизни, были подвижны, веселы, хотя были полураздеты, полуголодны, месяцами порой не видели хлеба.

У всех была цель – выжить, выстоять, победить! Хотя громко об этом и не говорилось тогда в ребячьей среде.

Умели эти ребята и «пошутковать», побаловаться, порой сердито и даже жестоко. Нет, не были они хулиганами. Были теми, кем и были. Отроками, в которых кипели жизненные соки, выдумка, ребячий азарт...

Расскажу про встречу у нас в селе Окунёво одного Старого Нового года! Это был, пожалуй, самый веселый праздник в ту пору. Можно было поворожить девчонкам, а ребятам похулиганить в пределах допустимого. Но где этот «предел»? Ребята 12–15 лет могут и не знать об этом.

И вот! В морозную ночь на 14 января 1944 года мы, ребяташки, человек под тридцать, под руководством более старших ребят – Коли Фадеева, Андрея Гребенщикова, Зота Устожанина, Гриши Денисова, Вани Каргаполова – решили «отметить» это событие традиционными у нас проделками. (Особо хочу отметить Николая Фадеева, как главного чудака и выдумщика! Когда его выгнали из школы (из 6 класса) за то, что он воткнул гвоздик в стул учителю немецкого языка по прозвищу Тратен (немецкий тогда не любил, как язык наших врагов), на другой день Коля-Николай, сев на колхозную лошадь задом наперед, держась за хвост коняги, промчался во весь опор мимо окон школы, вызвав тем самым у всех нас неопишуемый восторг).

Так вот, в эту морозную, Старого Нового года, ночь, под началом своих лидеров, принялись мы вытаскивать из дворов на уличные дороги – дрова, телеги, сани, снять с петель ворота, калитки, словом всё, что «плохо лежало», выстраивая нагромождения, некие заграждения пешим и конным. Дойдя до сельсовета, уронили ветхий сарай, который потом пригодился на дрова местной власти. Словом, устроили полный кавардак на сельских ночных улицах: не пройти, не проехать!

Но сего показалось нам мало. Дошли до колхозной конторы, которая размещалась в большом и высоком доме раскулаченных Чашковых. В этот поздний вечер в конторе шло отчетно-выборное собрание. Полдеревни заседало в этом доме с высоким крыльцом. И что сотворили мы? Убрали несколько досок крыльца. Замаскировали провал сеном. И с чувством выполненного «долга» разбрелись по своим жилищам-домам.

Что потом произошло, трудно описать. Первыми на свежий воздух повалили из конторы бабы, одурев от разговоров и махорочного дыма. За ними покостылили мужики-инвалиды. И все это шумное «воинство» попало в нашу ловушку: друг за другом посыпались в провал крыльечка, сначала с испугом (кто-то закричал, что, мол, немцы в деревне!), потом, разобравшись, что это «утворила» ребятня в связи со Старым Новым годом, принялись смеяться, хохотать.

Но не все приняли злую шутку с колхозным народом. Дядя Яша, который всегда держал в зубах трубку, пыхая ей, не переставая, прошамкал: «Шудить их надо, варнаков, как врагов народа!»

На утро все наши лидеры были вызваны участковым уполномоченным Павловым в сельсовет. Милиционер целый день допрашивал ребят с пристрастием, так как предполагалось, что за хулиганством может скрываться «подрывной след».

Под вечер все задержанные были заперты в сельсоветовскую кутузку с решеткой на окне: холодную, без света. Завтра всех должны были отвезти в районный НКВД...

Потом мне рассказывал брат Ваня: «Сначала мы пели песни, а потом, когда стали замерзать, начали толкаться (дуреть), а потом... просто реветь по-настоящему».

Выпустили ребят только под утро, еле тёплых, но в район не повезли: или участковый пожалел свою лошадь, или просто, может быть, шевельнулось чувство, которое иногда мы называем совестью.

Примечание: всех перечисленных в моём рассказе ребят уже нет в живых, им было бы теперь по 75–78 лет...

Николай Каргаполов,
Село Окунёво,
Бердюжский район.

В КАМЫШАХ

Анатолий УВАРОВ

Рассказ

Место действия: 2-й Дальневосточный фронт, 10-12 августа 1945 года. Имена и фамилии подлинны.

Восходящее солнце, распарывая лучами темноту, каждое утро под звуки горна взмётывало на флажках тысячи своих полотняных отображений. Блеск миллиона пар глаз его сынов сопровождал трепетание этих стягов. Они разворачивались на ветру, наполняя сердце каждого солдата гордостью за причастность к великому делу Будущей Победы. Она ковалась день и ночь, без остатков. Деловитые интенданты, в созданных, трудом рабов-китайцев укрепрайонах, четырежды обеспечили нужды Великой Победоносной Армии. Гордость самураев, уязвлённая Халхин-Голом и Хасаном, лечилась уверенностью в торжестве русской поговорки: «За одного битого – двух небитых дают». Отдельный знаток русского языка, вспомнивший не к месту другую поговорку – «На чужой каравай рот не разевай!» – перестал надоедать своим присутствием сразу. Куда он исчез и как, никто не знал. Японцы умеют молчать и не спрашивать. Секретность, запаканная десятками постов бдительных солдат, минными полями, километрами колючей проволоки, подтверждала уверенность в Победе. Внутри укрепрайонов жила, еще больше охраняемая, Совершенно Секретная Секретность. Там готовились к боям Герои, уже отдавшие жизни во имя Великой Японии. Они поведут на врага самолёты и торпеды с задранными люками и ограниченным количеством кислорода в рубках управления, лягут под танки и автомобили в жилетах с тротиловой подкладкой. Для своих семей они уже не существуют. Лампадки горят за ушедших ТУДА. Здесь их просто нет.

Совершенная Секретность хранила еще что-то. Точнее, не было ничего. ПУСТОТА. О ней НИКТО не слышал и ничего не говорил. Потому что мертвые не болтают, даже если они пока еще живые...

Командир сводного маршевого батальона капитан Михаил Уваров вторые сутки качался в головном грузовике, проверяя маршрут по километражу, компасу и карте. Маленькие кустики, нарисованные на карте, шумели стеной камыша вдоль пробитой танками дороге. Верхушки камыша сметали с брезентовых крыш «студеров» остатки пыли, осевшей в Приамурье. Каждый «американец», груженный под завязку, волок на крюку еще и пушку. Мягкий грунт продавливался в глубокую колею, временами стопорил колонну, и солдаты упирались плечами в кузова и открылки машин, добавляя им недостающие лошадиные силы.

– Это пока сухо. А что будет, если дождик сбрызнет? – посмотрев на небо,

капитан задержал взгляд на спидометре. Стрелка едва дотягивала до цифры 30. – Еще больше суток ползти в этих зарослях...

Прогнозы командира полка накануне прорыва, где он обещал хорошую погоду, а замполит легкую победу над коварным врагом, пока не сбывались.

Перепаханная снарядами японская передовая поразила своей слабостью. Захваченные танки казались игрушечными. В люк одного из них пытались залезть многие. Рязанский богатырь Ефрем Ионов смог опустить туда только одну ногу. Его друг и вечный соперник, сибирский хохол Петро Мирошниченко, поступил проще. Он заглянул внутрь, затем пошарил рукой и выудил танкистский шлём, подошедший в пору как раз на его кулак. В танке побывал только Калябай Шингалиев, любимец первой батареи и всего дивизиона. Прекрасно знающий русский язык, он доводил личный состав до колик в животе своими казахизмами. Для этого ныряния в японский танк даже ему пришлось раздеться и снять сапоги. Человек тридцать ждали его возвращения, посмеиваясь в предвкушении чего-то, но всех он разочаровал поначалу. Высунувшись из люка, он растерянно развел руками:

– Не нашел, понимаешь! Нету, понимаешь!

– А чего ты там искал-то? – спросил сержант Мокрецов, командир оружейного расчета.

– Как чего? Ребетёнка, конечно, в пелёнках, понимаешь...

Вспомнив громовой хохот, устроенный Шингалиевым, Михаил улыбнулся, не отводя глаз от дороги. «Да, это не запад. Война здесь какая-то несерьёзная. Второй день катимся и хоть бы одна сволочь. Немцы такое бы не позволили». Припомнился крошечный ад последнего боя на косе крепости Пиллау под Кенигсбергом. Ко всему привыкшие ребята ужаснулись, когда развевался дым и стали видны потери...

Теперь же беспокоило иное: «Да нет, не может быть война такой! Что-то здесь не так... Но – что?» Михаил посмотрел на трофейные швейцарские часы и положил руку на руль:

– Саша, стой.

Новобранец Саша Панасюк, прибывший в часть за сутки до наступления, нажал на педаль тормоза. Пока собирались офицеры, капитан «разведкал» заросли. Пальцы своей руки, протянутой внутрь камышей, он не увидел. Потом давал распоряжения:

– Всем готовить площадку. Машины квадратом. По периметру – полоса шириной двадцать метров для часовых. И быстро! Пока не стемнело...

Ночная темнота навалилась враз.

После ужина капитан вместе с начальником караула лейтенантом-земляком Федором Матвеевым проверил посты. Среди других в караул заступил Шингалиев. Михаил улыбнулся вновь, вспомнив его выходку в японском танке...

Квадрат лагеря затих. Водитель Саша Панасюк досматривал второй сон на брезенте у правой дверки, когда капитан передернул затвором вычищенного пистолета, досылая патрон в ствол, и погасил тусклый свет в кабине. В одну из ночей перед Курскими боями Михаил первым же выстрелом свалил обер-лейтенанта, командира усиленной разведки, а грамотно расставленные пулеметы из семидесяти двух, поднявшихся в атаку, немцев. И раньше неплохой стрелок, с той ночи взял за правило упражняться по мишеням ежедневно, из всех пистолетов предпочитая «ТТ» за небольшую отдачу и высокую кучность. Михаил положил его под руку и с наслаждением вытянул ноги вдоль сиденья...

«Михайло, выходи! Подсоби. Захвати овечий косяр, да распорку». Миша шеметом скатился по ступенькам из дома на зов отца. Из низких дверей база он выводил большого черного барана. Приняв из рук отца, Миша уложил его на землю. Баран лег без всяких пут, не сопротивляясь, вытянул шею и ноги.

«Ну, вот. Остальное сам сделаешь. Будь осторожен, не порежься!» – пряча лицо в тень, отец ушел в сторону шумевшей камышом родной Ташолки.

– Батя, стой! Ты куда? Сколь лет я тебя не видел?!

– «Ты его и не увидишь, но бережь он будет всех. А ты лучше сюда смотри!» – поевшаяся сбоку мать сильными, жилистыми руками скрутила за шею Мишину голову к лежащему на земле барану. Внезапно, в два прыжка, подскочил маленький человечек и одним движением чудного ножа перерезал горло барану. Захлёбываясь кровавой пеной, он прохрипел: «Командир, помоги! Больно!».

Михаил, с удивлением и ужасом, наклонился ниже и узнал... Сашку-водителя.

Мама, что это? – он оглянулся на мать, но та больно ткнула его в грудь рукой и молча исчезла в темноте.

Капитан очнулся. Вывернутая в левом нагрудном кармане материнская иконка – благословение – углом впилась в кожу. Он поправил её, крутанул затекшей шей и ... задержал дыхание, вслушиваясь... Храп не прекратился... Повернув голову, Михаил, в крошечной тьме, удивительно ясно увидел чужие фигурки бесшумно скользящие над спящими солдатами. Одна из них прыгнула к Сашке и коротко, без замаха, вонзила нож в горло. Мигом раньше, через окно, не опуская стекла, капитан повел стволом. Тотошка радостно твякнул, и пуля нашла стриженое темечко под куцей пилоткой.

Свершилось! Давно помолвленный, встретил, наконец, свою единственно желанную, самую верную невесту по имени Смерть. Кровавая роза мгновенно расцвела чуть выше левого уха, опутав корнями все тело. Они скрючили руки, задержали ногами, заполнили штаны мочой, калом и спермой.

Дёрнув головой навстречу огненно-му поцелую, не успев до конца прочувствовать последний в своей жизни экстаз, он упал в ледяной холод знойных объятий теперь уже законной Жены и затих.

Японец так и не понял, кто прервал бесшумный полет «Ночного мотылька»* и перечеркнул вензеля каллиграфического почерка Смерти, выписанные им с высочайшим мастерством на горлах спящих солдат.

Из диверсантов не ушел никто. Одного, еще в полной темноте, поняв чужого по запаху, поймал за ногу Ионов и, крутанув в воздухе, шмякнул об землю так, что он отключился, и его связали. Второй прыгнул на буфер, пытаясь спрятаться за светом загоревшихся фар. Но Петр Мирошниченко снял его двумя выстрелами из неразлучного «Парабеллума». Двоих вязали кучей и, отбиваясь, один заколол солдата ударом в сердце. Замах второго другой солдат парировал рукой, и пальцы отлетели, как их и не было. Жертв могло быть и больше, но один из новобранцев не растерялся и ударил его монтировкой сзади. Японец чутьем убрал голову, но рука его повисла на сломанной ключице.

Последнего смертника-диверсанта взял математик из Казани Роберт Шарипов. Сын татарина и армянки, черноволосый красавец с голубыми глазами и редким хладнокровием, должен был менять Кабалаю Шингалиева на посту в эту ночь. Когда раздался выстрел, он скользнул в подготовленный заранее простенький секрет с хорошим сектором обстрела. Отсюда он и увидел бегущую по тентам «студебекеров» фигурку. Дождавшись, когда она оторвется в прыжке, ударил с опережением. Трассера светлячками поплыли в ночи, и фигурка, пленившись этой красотой, жадно проглотила их. С легкостью, поменяв на завораживающую красоту свою жизнь, она сложилась бесформенной кучкой у заднего борта. Озверевший ППШ продолжал выбрасывать снопы искр, улетающих в черную бездну камыша. И вдруг в глубине его родился и вырос огромный, ярче восходящего солнца, тюльпан. Его лепестки, разворачиваясь один за другим, порвали ночь клочками, ослепив солдат. Секундами позже эхо взрыва заметалось между машинами, пушками, ватно закладывая уши. Чуть позже на лагерь посыпались комья земли вперемешку с человеческими частями.

Утро высветило все.

Кабалай Шингалиев зарылся за колесо пушки, под броневой щиток, пото-

му ночью его не нашли. Обоюдоострый нож вошел в его горло спереди и вышел на сантиметр сзади. Перебитый позвоночник лишил его движения и дыхания, но мимика ещё жила и широко открытый рот застыл в безмолвном крике. Поняв, что его никто не слышит, перед тем как умереть, Кабалай заплакал от бессилия, и лужицы слез в полуоткрытых глазах придавали им живой блеск. На нижней губе висела прилипшая папироса. Коробок и три сгоревшие спички, которые он, для верности, зажег одновременно, валялись рядом. Чиркнув, он даже не успел затянуться.

Папироса висела нетронутая огнем...

Радист, выбросив телескопическую антенну, с трудом нащупал связь со штабом полка, доложил обстановку.

Заместитель командира полка прибыл, на удивление, быстро. Ожидая разнеса, Михаил нервничал и готовился сдать дела своему заму, старлею Воронину. Но реакция оказалась иной. Майор Федотов хмуро выслушал сообщение о потерях: десять погибших, четверо раненых, включая Сашку-водителя, оставшегося на всю жизнь с кривой шеей и хриплым голосом.

Затем вместе прошли на место лагеря диверсантов, где ночью рванули под пулями Роберта запасы взрывчатки, разбросав тела еще двоих мелкими кусочками так, что нашли три руки и одну голову.

Недолго поговорив с офицерами, майор отвел капитана Уварова в сторону:

– Ты не представляешь, что творилось сегодня ночью. Первого батальона нет. Кого не вырезали, тех взорвали. Третий понес серьезные потери. Дивизия встала. Да, главное, как тени. «Языки» только у тебя. В общем, готовь дырку на кителе. К «Владимир Ильичу» представлять будем.

Забрав раненых и «языков», майор укатил.

Когда разбирали «квадрат» лагеря стволом пушки пробит радиатор машины связи. Пришлось выделять один «студер» для доставки её в рембат. На нем увезли тела погибших.

А орден Ленина капитан не получил. Пока ходили наградные бумаги, его бешабашный Мирошниченко, «призывник Рокоссовского», застрелил майора Особого отдела, не выдержав оскорблений тыловой крысы. Товарища никто не выдал, но в несчастный случай следователь не поверил. Вот так капитан-артиллерист Михаил Алексеевич Уваров превратился в техника-лейтенанта. И за войну с Японией получил медаль. Как все. Ну и что? Война есть война. На ней все бывает.

г. Нижневартовск.

* «Ночные мотыльки» – сверхсекретное подразделение японской Армии.

УРОК ОТЦА

Великая Отечественная война оставила свою больную зарубку тем, кто с ней встречался: непосредственные участники боев за редким исключением обильно орошали землю-матушку собственной кровушкой, соленым потом, горькими слезами, провожая в последний путь друзей-однополчан. Счастливыми считались оставшиеся в живых после очередной мясорубки.

Мы, дети войны, с восторгом смотрели на ухидивших воевать старших братьев и отцов, со слезами провожая тех, кто неожиданно появлялся после ранения на краткую побывку. С замиранием слушали их рассказы о пушках и танках, о наступлениях, обо всех ратных делах. Восторгались, плакали, учились жить.

Село наше, Староюрьево, что на Тамбовщине, оказалось, к счастью, вне зоны контактных боев, но авианалеты, бомбежки... Не оставили оккупанты сколько-нибудь заметного здания, крестьянского подворья – все было разрушено. Помнится, как на нас, дошкольных пацанов, на берегу речки Воронеж на малой высоте налетели немецкие истребители, обстреляли, сразив пасшегося рядом теленка. Трудно забыть тот воющий звук стервятников с черно-белыми крестами, пулеметную дробь и фонтанчики пыли от чиркающих пуль, эти громкие крики людей, когда зенитки в шарящих по небу лучах прожекторов находили и удачными выстрелами сбивали налетчиков.

Победа! Весть о ней повергла людей в особое состояние: «Ура! Мы победили!!!» Обнимались, пели, кричали, целовались знакомые и незнакомые, мужчины и женщины, взрослые и дети. И слезы, слезы, слезы радости. Наступил многодневный праздник встреч с вернувшимися с фронта родными. Были слезы, плач тех, кто не дождался близкого человека.

Нам, малышне, не по годам тогда повзрослевшим, перепали подарки от фронтовиков. Я стал обладателем буденовского шлема и офицерского ремня, у брата появилась красноармейская пилотка со звездочкой, а у друга – шапка-кубанка... По возможности мы щеголяли разными военными вещичками.

Фронтовики уже через год-другой освоили свои мирные, житейские занятия, лишь по праздникам, за столом делились фронтовыми рассказами, шутивными солдатскими байками. О наградах говорили редко, считалось нескромным хвалиться ими. И скоро часть этих наград, в основном медалей, значков и реже – орденов, оказалась в руках подростков. Стали награды детской забавой. К третьему классу (1949 год) в моей копилке насчитывалось не менее десятка медалей и значков, таких, как «За отвагу», «За Сталина», «За победу над Германией», «Гвардия», а также «Лучший стрелок» (танкист, артиллерист, парашютист и т.д.). Пацаны собирались в определенном месте, где проходил обмен значками и медалями.

Сейчас трудно судить, почему столь легко расставались участники войны со своими наградами, но, видимо, не до наград тогда было: стремились много работать, кормить семью, воспитывать детей. Другие тогда были люди, иначе оценивали они свое место в жизни, старались не вспоминать о страшной войне, о горьких её днях и годах.

Однажды в один из выходных дней у нас во дворе собрались друзья-товарищи, принесли свои коллекции наград. Отец мой, участник трудового фронта, долго наблюдал за нашими разговорами, потом как-то естественно присоединился к нашей команде. Он рассказал нам, чего стоила каждая награда, за что она могла быть получена, где и когда. Конечно, мы мало что знали о владельцах наград, поэтому слушали отца с большим интересом.

Он как-то настойчиво, пристально, с укоризной и тактичностью попросил моих друзей отыскать владельцев орденов и медалей, даже подсказал, с какими наградами вернулись некоторые односельчане с войны. Ну а если владельцы не найдутся, то боевые награды, по его словам, хорошо бы передать в военкомат. Что мы и сделали. То ли охота пропала заниматься коллекционированием, то ли убедили слова отца. Скорее всего, последнее.

Каково же было наше удивление, когда на пионерской линейке в школе директор от имени военкома объявил нам, тройке друзей, благодарность за то, что сохранили военные награды земляков. Это была моя первая в жизни серьезная благодарность.

**Н.К. Фролов, профессор,
председатель общества русской культуры,
г. Тюмень.**

Фронтовые друзья вспоминают. Фото «Правды».

Александр ХАРЧИКОВ

Неизвестному солдату

Жизнь за что ты отдал, неизвестный солдат?

Не за Родину ль милую нашу?

Но надежды твои без остатка горят

В жарком пламени бронзовой чаши.

За кого вы сражались, России сыны,

Туркестана, Украины, Кавказа?

Для чего были Родине нашей верны,

Повинуясь железным приказам?

И исполнили Вы самый главный приказ,

Что же враг вашу славу роняет,

И с бандеровско-власовской сволочью вас,

За Державу погибших, равняет?

Вы не ведали, страстную верой полны,

Что, быть может, всё будет напрасным,

Когда рвались вперёд на защиту страны,

Осиянные знаменем красным.

И не знаете вы, что погибла она –

Сбереженная вами Отчизна,

Погребальный костёр ваши жжёт имена.

А над ней завершается тризна.

И застыли навек в незакатной дали

Струны ваших оборванных судеб,

Миллионы любовей, что не расцвели,

И беззвучные залпы орудий.

И быльём порастают святые холмы,

Вера предана, правда сокрыта,

Выгорают слова, что «Никто не забыт»

И слова, что «Ничто не забыто»...

9 Мая 1994 г.

* За Родину! Огонь! *

Николай Денисов

ФУРАЖКА

*В этом городе, вправду огромном,
На базаре, где брал керосин,
Отыскал я и комиссионный,
Как советовали, магазин.*

*Это мама дала мне поблажку,
Постреленку зелёных годков.
А купить мне хотелось фуражку
Со звездой, как у фронтовиков.*

*От соблазна душа так и пела:
Ребяtnю, мол, сразу наповал!
Что кепчонка? Привычное дело.
А в фуражках я толк понимал.*

*Захожу. И что деется, братцы!
Так с порога и кинуло в жар:
Ведь на полках,
где б им красоваться,
Беспользньный навален товар!*

*Но держусь я, худой и голодный,
Деловито рублями трясая:
Не найдётся ль фуражечки лётной
Или флотской, что в золоте вся?*

*Продавец – на щеке бородавка
(Думал, злюка: проси не проси!) –
Неожиданно из-под прилавка
Подаёт, как по благу: носи!*

*И в село по дороге тележной
Шел в обновке я, любо взглянуть:
То сбивал на затылок небрежно,
То на бровь, то на ухо чуть-чуть.*

*Вот и мама спешит из ограда,
Оттирает калитку с крючка.
Показалось ещё – и награды
Тяжелят мне борта пиджачка.
г. Тюмень*

Владимир Фомичев СМЕНА

*Стало сменой отцам
Поколение моё.
С поколеньем я сам
Поднят жизнью: «В ружьё!»
Как подлеси в леса,
В мир отцовский вросли.
Помним, что за гроза
Унесла их с земли.
А земля эта – вот,
Пред очами лежит.
Век за веком живёт –
Счастье, совесть и щит.
Разгорятся сердца,
Разбухнет кровь...
Нам теперь, как отцам,
Русь хранить от врагов.
г. Москва*

Владимир Архипов РУССКИЙ СОЛДАТ

*Однажды на покосе
Отец рубаху снял.
Народ всего колхоза
Раненья увидал.
Отцу усталость – в радость!
Закончена война!
Осколочные раны
На нём – как ордена!
Сегодня до Победы
Далёк и тяжёк путь.
Проклятье тем, кто предал!
Ты верным сыном будь!
Отвага силы множит.
Горит Руси свеча.
Кто вынул меч из ножен –
Погибнет от меча.
Солдатские награды
Отец мне передал:
Знай, русского солдата
Никто не побеждал!
г. Краснодар*

Геннадий Сысолятин ЗНАК ЛИ ПОБЕДЫ?

*На вручённом мне знаке «Фронт-
вик 1941 – 1945 гг.», напоминающем
орден Отечественной войны, не оказа-
лось Серпа и Молота и перекрещенных
винтовки и сабли.*

*«Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце моё
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружьё...»
Г. Гейне «Гренадёры».*

*Победного знака края –
Какие проишлись по ним грабли?
Ни шпаги тебе, ни ружья –
Верней – ни винтовки, ни сабли.*

*Не западных ради ль держав,
Чтоб НАТОвец был там спокоен,
Убрали всё то, что держал
России защитник и воин?*

*Изгадили орденский Герб –
Державные Серп наш и Молот,
Чтоб недругов бывших вертеп
Сей знак не пугал бы комолый.*

*Отдали победы плоды
Не за насыпку махорки...
А были солдатам круты
До Эльбы торчавшие горки.*

*А были в реках широки
Под вражьем огнём переправы...
И как нам сберечь островки
Неведомой Западу славы?*

*Не меркнет она. Но её
Корчуют и плуги, и грабли.
А нам говорят: «Вы – старьё,
Зачем вам винтовки и сабли?»*

*Затем!.. Это память войны,
Не делай никто её куцей!
Нам знаки позора даны,
На них ведь – следы экзекуций...*

*Что рок нас унизит, то сам
Предчувствовал Сталин.
И, значит,
«Сняв голову,
по волосам
Не плачут».*

23 апреля 2000 г.

Иван Савельев БАЛЛАДА О ВОЖДЕ

*«У вас мало стихов о товарище
Сталине...»
(Слова одного литкритика
в мой адрес).*

*К словам поэта сызмальства глухи,
Мне говорят, как будто на допросе:
«А где у вас о Сталине стихи?» –
А там, где всеу слов не произносят.*

*Я создавал стихи свои горбом,
Как Родину отец и мать творили.
Вот почему стихи мои о Нём, –
Все, все о Нём, – ведь он давал им крылья.*

*И что мне слов сегодняшних туман –
Хвалы иль мести – коль, глотая слезы,
Я слышал, как смоленский партизан:
«За Ста-а...», – и захохотал у берёзы.*

*Что ваши разговоры о правах,
Лукавцы венценосного разбоя,
Коль вынесли Отечество из боя,
Мы, как ребёнка, на своих руках.*

*И пусть Вождя вы уложили в гроб
И руки потирали: «Умер Сталин!»
Полвека вам понадобилось, чтоб
Его Державы на Земле не стало.*

*И с той поры который год подряд
Вы бьёте по Вождю прямой наводкой –
Но звёзды над могилами горят,
Те самые, что были на пилотках.*

*Вы расчленили Молот наш и Серп,
Но посмотрите на Луну, клеветы, –
Сияет там Его – Советский – Герб,
Соизмеримый с Мирозданья светом.*

*Пусть мы живём сегодня в демомгле,
Где с наглостью глядят глаза буржуя, –
Но Сталинское дело на земле
Неспешно и с достоинством вершу я.*

*Когда ж придётся на ходу упасть,
Отсрочки я вымалывать не стану. –
За Сталина! – чтоб Родине – сиять,
Успею я потомкам прокричать
Оборванное слово партизана.*

г. Москва

ПРИЦЕЛ

Рассказ

Борис КОМАРОВ

Старика не любили. Утром каждого дня приходил он к гастроному и из пологого на рыбацкий, но значительный больших размеров, ящика выкладывал на цветастую клеенку товар: поблескивающие полоской жести малярные кисти, разделочные кухонные доски да детские лопатки. Оглядев свое богатство, дед садился на крышку ящика. Этаким айсберг: белый от всплохоченной шевелюры и громоздкий от всего, что принаделжало его телу.

Могучие лапы, независимо от подрешивающей башки, привычно терли наждачкой одну из досок, и древесная пыль сыпалась на штаны. Со штанов она трусилась на войлочные боты с разъявленными для простору ржавыми застежками. Относительно чистым оставалось лишь клетчатое от ковбойки пузо.

Стоянка такси находилась аккуратно напротив гастронома, и старик был всегда перед глазами. Впрочем, так же, как и две, торгующие у магазина подсолнечными семечками и всякой сигаретной дребеденью, пенсионного возраста тетки. Они появлялись у крыльца рано, еще до открытия гастронома, и когда дед, покряхтывая и сопя, показывался из-за угла девятиэтажки, зябко ежились, обиженно поджимали ярко напомаженные губы и переглядывались: смотри, мол, явился!

На их контры я бы никогда, может, и внимания не обратил, да однажды, перед обедом, к деду примчалась девчушка, поди, внучка, и потянула его за собой. Куда-то во двор магазина. Дед посопел, раздумывая, затем ступил к такси:

– Эй, парень, все одно стоишь. Уф-ф... Глянь за барахлом! – Ну, даешь, дед! А если пассажир появится? Я ведь тоже не флагом машу. Но старик уже грузно топал за вцепившейся в его огромную длань девчонкой. ...Чего же он соседок не попросил приглянуть?

Одну из причин их взаимной неприязни я увидел в скором времени. Утром следующего дня у крыльца гастронома остановился мальчуган лет десяти. Чистенький, розовощекий, попинал кроссовкой жестянку из-под пива, потом хрястнул подошвой посередь банки, въезжая в нее, как в лыжное крепление, и вот в такой необычной обувке скыркнул к одной из торговек. Той, что стояла ближе к старику. Порывшись в кармане куртки, пацан выудил на свет несколько монеток и протянул их тетке. Опасливо глянув на соседа, та склонилась над лотком. Оп-па, она же пацаненку сигареты дает! Свою копейку не упустит!

– Опять?! ...Курва!

Вздвогнув, я повернул голову к старику. Побагровев от негодования, он

швырнул доску в ноги, и теперь глыбой возвышался над товаром:

– Опять! – похватав дрожащими губами воздух, дед перевел выпученные глаза с торговли на пацана: – Марш отсюда! Я тебе вот... – и по брючине еще прихлопнул, глядя, как, звякнув жестяной, парнишка мотнулся от крыльца.

Задыхнувшись от столь резкого действия, старик тяжело плюхнулся на ящик. Уф-ф! Затем нашарил на клеенке свое заделье и ткнул доской в сторону соседки:

– Еще увижу, уф-ф, голову разобью!

– Что ты встреваешь, что? – тетка уже оправилась от испуга. – Не у меня, так у другой купит!

Но дед не слушал. Шумно сопя, он принялся елозить наждачкой по доске, и лишь руки, нет-нет да возмущенно вздымающиеся над белыми от древесной пыли коленями, напоминали о недавнем инциденте. Серьезный старикан. Только зря он так завелся – плетью обуха не перешибешь. Вон бабья сколько, и всякая норовит отщипнуть крошку. Хоть с кого. Нужда.

Стариковский товар расходился вяло, если хуже не сказать, но ремесло свое он менять не собирался. Поэтому не менялось и содержимое клеенки. Теперь она кукожилась от осеннего холода, и по утрам, раскладывая товар, хозяин пару раз прохаживался по ней. Для ровности. Да увеличилось число детских лопаток – зима на носу, вот и все перемены. Хотя нет, в середине октября, как раз в первые морозцы, посередь клеенки появился роскошный кухонный смеситель (вероятно, кто-то попросил старика продать его, бывает). Он лежал таким тузом меж враз поблекших кистей, и солнце лучилось от его невнятно блестящих трубчатых выкрутасов. Позолоченные барашки с яркими пупырышками указателей воды приковывали взгляды прохожих. Но то ли дорог он был, то ли зарубежная конструкция ни в какую не совмещалась с отечественной трубой, но смеситель надолго застрял на клеенке.

И лежал бы он среди неказистых «соседей» бесконечно, да привлек внимание празднующегося мужичонки. Таких бичеватых, подопустившихся мужиков сейчас неимоверно много. И если в чем проявились последние экономические новации в России, так именно в появлении сего народа. Мужичонка плотнее запахнулся в клочковатую искусственную шубейку и сделал оборот вокруг деда. Тот уныло подремывал, елозя наждачкой по очередной незавершенной доске. Мужичок сделал еще оборот и воровато глянул на торговку у крыльца: те судачили о чем-то своем. И

тогда он придвинулся вплотную к клеенке. Не знаю, как случилось: может, снег скрипнул, может, потустороннее что подтолкнуло дедову руку, но в миг, когда злоумышленник завис над смесителем, хозяин цапнул его за плечо.

Клюнув носом в товар, мужик заскользил коленями по клеенке, норовя встать. И дед позволил ему это сделать, он даже помог: поднявшись с ящика, подпернул лапцей вверх.

– Ты чё, батя?! Ты чё? – (Старик чуть поослабил хватку, и голова в спортивном «петухе» выкарабкалась, наконец, из вздернутой донельзя шубейки). – Пусти!

– Не верещи!

– В милицию его, паразита! – донеслось от крыльца. Дед, вероятно, так бы и поступил, благо милицейская будка возвышалась неподалеку от гастронома, но совет исходил от его извечных оппонентов. Нет уж! И тогда он сделал по-своему: крякнув от избытка чувств, вертанул мужичонку спиной к себе и разом, будто ошкурок с сосиски, сдернул с него шубу:

– Варнак! – грохотнуло уже над зажатой ногой-колонной одежиной. – Погуляй пару часов! Уф-ф! Померзни...

Решимость старика смутила бы хоть кого, и варнак не стал ждать: одернув рукава свитерка, он побежал к дверям гастронома.

Посадив не ко времени подвернувшегося командировочного, я умчался на вокзал и потому лишь часа в четыре оказался вновь на стоянке. Старик подремывал на ящике, скобля дощечку, все как обычно, лишь из предбанника магазина нет-нет да высовывалась знакомая щетинистая физиономия.

– Отдай шубейку, дьявол! – это подала голос какая-то из вдруг проявивших сочувствие к злоумышленнику торговок. – Сколь говорить – отдай!

Но дед и ухом не повел, лишь через минуту, словно выждав, дернул рукав ватника вверх, туда, где часы, и вновь смежил веки. Нет, срок наказания еще не истек. Опять мелькнула в дверях сутулая фигура, качнулась к крыльцу и, выжидательно подыбав, сунулась назад.

– Отдай, злыдены! Чего мучаешь...

И старик не выдержал: готовый испепелить теток, он выпучился на них, затем перевал взгляд на шубу:

– Ha! – ухватил ее рукой и бросил в сторону крыльца. Затем сгреб клеенку вместе с содержимым и шагнул к такси:

– Шеф, – отпнул к тротуару выпавшую было кисть, – открой-ка!

Я тропливо метнулся из салона. Узел шлепнулся в багажник, а дед, уф-ф! уж спешил с ящиком:

– Поехали, мать твою! К пивзаводу... Видеть не могу! Это за речкой. – Я развернул «Волгу»:

– Кисть подобрать?

– Подбери, ...уф-ф!

Пассажир уже начал отходить от столь бурного «выступа», но могучая грудь продолжала раздраженно вздыматься и поскрипывать. Взгляд его скользнул по салону:

– Воруешь потихоньку?

Ну, дедушка, это вместо «здравствуйте»?

– Не журись, – видя мою заминку, грохотнул старик, – все с одного места вылезли, вот и сопим одноко. ...Слаб человек, уф-ф, не может без греха-то. ...Думаешь, они его жалеют? – голова пассажира качнулась назад, в сторону удаляющегося магазина. – Где уж, ... себя! Вдруг напакостит. А я отбоялся. И этих, и тех. ... Дай-ка, говорит, патент на торговлю! – Очевидно, старик имел в виду молоденьких милиционеров, что нет-нет, да и наведывались к гастроному. – Вот мой патент! – опять распаясь, он отпахнул ватник: – Вот! – Через прореху незастегнутых пуговиц рубахи я увидел заросшее седыми волосами брюхо, а посередь – нет, это был не шрам, а скорее туго скрученный лиловый жгут, навечно вгрызшийся в живот и уходящий далеко вниз, к поясу штанов. – Штык немецкий, понял? Да хрен с ним, мне от властей ничего не надо! И здесь не из-за хлеба торчу, тут... – дед хрястнул ладонью о панель. – Видел, что вытворяют? Уф-ф, откуда вам видеть! Деньги лишь на уме. Они же, курвы, сигареты ребятишкам продают, ребятишкам, понял? Идет в школу утром, еще не выспался, а ему сигареток – на! Подыхай! Кувалдой по головенке. Лишь бы гривенник сорвать. Нет у людей вот тут! – кулак гулко ударился в грудь, дед закашлялся, уф-ф! – И Бога нет! Ничего нет!

– Так ведь не докажешь всем-то, отец! Не успеешь везде...

– Вот ты какой, а! Верно говорят: пошли дурака за бутылкой – он и вправду одну принесет! Дальше-то носа не можешь видеть? Если б я на фронте за всех отвечал – что было бы? ... Ни хрена! Там просто: дали окоп, и стой! Не верти головой-то! Или помоги кому-нибудь. ...Каждый день у магазина торчишь, все видишь, а подошел к старику, подсобил добрым словом? Где там! Как на диковинку смотришь. Дурачок, мол, встал против ветра и... Так – нет?

Заметив мой раздраженный взгляд, старик ворохнулся, оправляя ватник, и заговорил уже более миролюбиво:

– Привыкли, толпой-то. А ты за себя ответь! Останови машину да задумайся, приглядишься, ...хоть к чему, хоть к траве у дороги. Почему растет? А та завяла. Кто виноватый? Думаешь, живешь порулить да поесть? Тьфу это, ... как и торговля моя! Может, Бог-то и родил, чтоб крапиве помочь? Ему однако: ты или трава!

Это понятно, только...

– Когда останавливаться, отец? То план «горит», то семья!

– Когда? – брови собеседника сошлись к переносице. Он даже вздыбился на сидении, будто выше стал. – А вот сейчас и остановись, вот здесь! – и осел, устало откинувшись на подголовник. Этакий мудрец, бесконечно уверенный в своей правоте.

– Сейчас не могу, – хоть кургузо, но все ж попытался свести к шутке его предложение, – сейчас вас везу!

– Во-во, – ерзнул пассажир, – ля-ля, тополя! Ноги мешают. ... А они, курвы, бабы-то, что делают! – Сидение жалобно вякнуло. – Подошел пацаненок с семем к магазину, пару стаканов продать, на хлеб сгношить – прогнали, ведьмы. Конкуренция, мать его! ... Ну, я им и дал тогда!

– А как штыком-то ткнули?

– Штыком? – подбородок пассажира уперся в распахнутый ворот рубахи. – А-а... Я лучше другое скажу, про лейтенанта нашего. Он понимаешь... уф-ф! Сам-то не знал про его особую охотку, потом уж. – Старик перевел дыхание или припоминал: разбери, попробуй. – Беда у меня тогда случилась. Из бед беда! Перед весной. ...Вот тут березнячок, – его ладонь легла на запорошенное опилом колено, – а тут «катюша» наша. – Ладонь шлепнулась на другое колено. – Умылся я утром снежком, на войне где умывальники? И в землянку. А часов в десять хватъ – нет от орудия прицела! Вот такая коробушка на ремне, – поросшие пучками белесых волос пальцы растопырились, изображая футляр прибора, – и нет ее! А я за нее ответственный. Весь снег с мужиками изрыли. Я к лейтенанту. Тот вынул пистолет:

– Ну, Слободин, не найдешь – расстреляю!

Что делать?! А рядом, за леском, минометы стояли, прицелы у нас одинаковые. Попрошу, думаю, у бойцов, уф-ф, не дадут – украду. Иду, скребусь в землянку. В ней солдатики сидят:

– Чего, браток, пригорюнился?

– Вот, – отвечаю, – расстреляют сегодня. Я ведь... – и все рассказал им.

– Дай-ка, старшина, находку свою! – говорит их командир. – Номер-то помнишь?

– Да как?! У меня этот номер и по сей день в голове сидит!

И приносит старшина пропажу. Вот ведь: день-ночь таскаешь прицел на шею, а тут снял его. Снял, поди, когда снегом умывался. Да и повесил на березку у тропинки.

Бегу к себе, поревел еще дорогой, пацан же, восемнадцать годов, и те приврал, чтоб на фронт попасть.

– Нашел, – кричу, – товарищ лейтенант! Нашел!

Он посмотрел на меня, отвернулся в сторону, да и говорит:

– Пошли со мной! – зашли в землянку. Наливает кружку водки, хлеб тушенкой намазал. – Пей!

– Нет, – говорю, – не буду! Не пил еще по столько.

– Пей!

Куда деваться? А в землянке-то тепло, ...сколь спал – не знаю, но что-то давит и давит в бок, будто сверлит. Выбрался тогда на воздух, очухался. А лейтенант матерится, помолчит, пройдет и мат-перемат.

Вот худоба, я ведь часы ему сломал, трофейные. Раньше в школе работал, командир-то, ну и загорелся музей открыть. Для ребятишек. Всякие диковины собирал. И часы те берег. А чтоб сыростью не взяло – сушил, крышку отщелкнет, и к огню. Как они попали под бок? Потом успокоился: в Германии, мол, отремонтируют. Найдется мастер.

...Я свернул на Большую Заречную, тут среди сугробов не разгонишься, мощи снегоуборщиков только на центр города и хватает:

– Починил лейтенант часы? ...Уф-ф!

– Не успел. Убили. А мешок его я родне послал, в Киров, так, мол, и так, отдайте в школу. – Живот пассажира качнулся от вдоха. – Такие пироги... Понял, к чему рассказал? Он ведь, когда пистолетом перед носом моим тряс, не за себя боялся – за тот музей переживал, за самое важное для него. Малое дельце, а нет человека – и дела его нет. Уф-ф... Тогда не разбирались: Слободин ли виноватый, командир ли. Шаг вперед, и все! Останови-ка, – вдруг бросил пассажир, – рядом уж! Пройдусь. – Выждал, еще подуспокаиваясь, и добавил, нет, не конфузливо, а как бы снисходительно, как бы позволяя себе хоть на миг, но спуститься с того Олимпа, что воздвиг за длинную-предлинную жизнь: – Чтоб старуха не сквалыжничала, что на такси раскатываю! ... Вечерами-то зять сюда подвозит, а я им молоко утром волоку, уф-ф! Раным.

Вытянув из хаоса товара злосчастный смеситель, он ткнул его гусаком за пояс, как кинжал, остальное скопом, вместе с клеенкой, сунул в ящик:

– Так-то, парены! А на всех уповать – дело дохлое. Вот такой прицел!

Снег ломко хрустнул, норovia воспротивиться шагам старика да где там!

г. Тюмень.

24 мая — День славянской письменности и культуры

Экзамен на духовность

Торжественным и светлым, значимым и искренним в проявлении чувств получилось в Ишиме празднование 190-летия со дня рождения П. П. Ершова. Все происходившее было продиктовано сердцем. Говорю это не для красного словца. Вот некоторые наглядные сцены.

Концертный зал им. 30-летия ВЛКСМ полон. Среди зрителей. — именитые гости из Санкт-Петербурга, Москвы, Комсомольска-на-Амуре, Хакассии, Тобольска, Тюмени, Березова... Ученый люд слетелся на научно-практическую конференцию, может быть, и по службе, а вот молодежь явно решила с пользой прогулять уроки и пары. Как потом окажется, в зале все-таки не по долгу, а из уважения к поэту, сказочнику, музыканту, педагогу, просто человеку Петру Ершову объединились и мудрые профессора, и юные школяры.

Яркий и волнующий зачин дали хореографическая картинка «Жар-птицы» танцоров коллектива «Школьные годы» (рук. М. Прохорова) и нежная флейтовая мелодия, которую творила своим дыханием Оксана Батт. Значимость же события, начавшаяся с творческого сотрудничества администрации г.Ишима и Ишимского государственного педагогического института, который с 1990 года носит имя П.П. Ершова, ощущалась на протяжении двух дней и осталась внутри у каждого надолго.

Течение 2-ой Всероссийской научно-практической конференции «Петр Павлович Ершов. Жизнь и творчество в контексте культуры 19-21 веков» внешне традиционно: пленарное заседание, работа по секциям, где анализировали языковые особенности и поэтику сказки «Конек-Горбунок», лирики П.Ершова, влияние такого явления как Ершов на культуру Западной Сибири. Отрадно, что действовала и секция для школьников.

А вот насколько глубоко было содержание, покажу через зарисовки главных действующих лиц и событий.

В.А. Рейн — депутат Тюменской областной Думы, глава г. Ишима: Я рад, что имя Петра Павловича Ершова, связывающее уже несколько поколений, привело нас сюда. Я несколько не сомневаюсь, что итоги научной конференции будут иметь большой практический выход на дальнейшую реализацию программы по увековечиванию памяти именитого земляка. Мы встречаемся накануне 135-летия нашего города и 60-летия Великой Победы. Я хотел бы обратиться со словами приветствия и от жителей, и

от городской думы, и от администрации, потому что для нас это событие уникально. Передаю пожелания успехов конференции от губернатора области Сергея Семеновича Собянина и его заместителя Натальи Александровны Шевчик. Они также подтверждают свою любовь к творчеству Ершова, готовы и в дальнейшем поддерживать программы сохранения и изучения его богатейшего наследия. И еще одно приветственное письмо — от Никиты Михалкова, Народного артиста России, лауреата Государственной премии, члена Президиума Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации:

«Дорогие друзья! Для меня Сибирь — это особый край, с которым связаны судьбы моих предков — художников Василия Ивановича Сурикова и Владимира Алексеевича Комаровского, сосланного в Ишим за принадлежность к монархической группировке аристократии. От всей души хочу вас поздравить с этой датой — 190-летием со дня рождения вашего выдающегося земляка Петра Павловича Ершова. Его сказка «Конек-Горбунок» входит в золотой фонд российской литературы. Поддерживаю ваши начинания в Ишиме первого литературного музея и возвращению храма Петра Столпника, построенного при участии самого поэта и крестьян его родной деревни. Искренне ваш Никита Михалков».

Воспользовавшись правом первого доклада на пленарном заседании, В.А. Рейн рассказал об использовании на практике историко-культурного наследия как основы социально-экономического развития Ишима. В программе, подписанной губернатором области и поддержанной областной и городской думами, заложены средства в 470 млн. рублей, есть и меры-приятя, связанные с именем Ершова: открытие музея, восстановление храма Петра Столпника, строительство парковых комплексов «Ершов град» и «Ретро парк» и другое. Лейтмотив программы: «Город — это не место, где люди только живут и умирают. Город — это Путь, который мы выбираем для себя и своих детей, чтобы идти в будущее».

Под восторженные аплодисменты представлял В.А. Рейн именитых гостей: О. В. Уткову-Устинову из Москвы — дочь исследователя творчества Ершова В.Г. Уткова, Г.И.Вавилину — сотрудника Всероссийского Пушкинского музея на Мойке, 12, заслуженного работника культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург), А. М. Рязанова — директора музея-

заповедника А.С. Пушкина «Захарово-Большие Вязёмы», К. В. Артюхова — кинорежиссера студии «Леннаучфильм», автора более 80 фильмов, создающем в настоящий момент фильм о П.П. Ершове, А.И. Васильева — секретаря Союза писателей России, главного редактора альманаха «Врата Сибири», ответственного секретаря Тюменской писательской организации, нашего земляка, Н. В. Денисова — члена Союза писателей России, редактора газеты «Тюмень литературная», лауреата Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, Н.В. Хвастанцеву — зам. председателя комитета по культуре Тюменской области, Н. И. Сезёву — кандидата искусствоведения, члена Союза художников России, международной ассоциации искусствоведов, ст. научного сотрудника Тюменского музея изобразительных искусств, И.Ф. Кнапика — генерального директора издательства «Тюменский издательский дом», Л.А. Фролову — кандидата филологических наук, последней защитившую диссертацию по сказке «Конек-Горбунок» (Комсомольск-на-Амуре), О. В. Кляйн — директора Заводоуковского краеведческого музея и других.

Ректор ИГПИ им. П.П. Ершова, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Н.С. Гусельников счел нужным показать основу, на которой строится сегодня изучение творчества Ершова в институте, отметил, что «не будет преувеличением, если мы скажем, что «Конька-Горбунка» любим с детства, а затем — всю жизнь, как любим само детство. О Петре Павловиче Ершове Владимир Солоухин в 1972 году, на Ершовских чтениях в Тобольске, сказал: «... сказка могла быть написана только очень талантливым человеком, только очень хорошим человеком, только очень русским человеком!»... Ишимский государственный педагогический институт носит имя П.П. Ершова не случайно. Начиная с конца восьмидесятых годов прошлого столетия, преподаватели факультета русского языка и литературы активно включились в изучение творчества П.П. Ершова — писателя, педагога, просветителя. Особая заслуга в этом принадлежит Виталию Ивановичу Кодухову, известному ученому-лингвисту, доктору филологических наук, профессору, приехавшему в Ишим из Ленинграда в 1988 году и проработавшему в нашем коллективе до 1996 года.

В ноябре 1989 года на базе института проведена 1-я широкомасштабная Всероссийская научно-практическая кон-

ференция «Петр Павлович Ершов – писатель и педагог» под общим руководством профессора В.И. Кодухова. Особую лепту в организацию внесли зам. председателя Ишимского горисполкома Г.А. Малышкин, секретарь Ишимского ГК КПСС Ю.А. Шилев., ректорат института (Н.И. Толмачев – ректор, Н.С. Гусельников Н.С. – проректор), Н.К. Метелева – коллега В.И. Кодухова, его бывшая аспирантка и первый помощник в осуществлении всех творческих идей. В работе конференции приняли участие ученые из 12 городов России и других союзных республик. С этим событием связано присвоение институту имени Петра Павловича Ершова. Результатом конференции стали: выпуск сборника «Петр Павлович Ершов – писатель и педагог», первого полного библиографического указателя «Ершов Петр Павлович» (под редакцией профессора В.И. Кодухова).

В 2002 году издана книга профессора института М.Ф. Калининой и кандидата филологических наук О.И. Лукошковой «Семинарий. Жизнь и творчество П.П. Ершова», переизданная в прошлом году, как востребованная в процессе обучения в школе и вузе. Стараниями талантливого ученого и педагога, профессора М.Ф. Калининой в 2003 году при кафедре литературы открыт кабинет – лаборатория по изучению и пропаганде наследия П.П. Ершова. ... Уверен, что материалы и этой конференции будут способствовать дальнейшему изучению его творчества, развитию нашей с вами культуры, воспитанию любви к истории, развитию научного творчества».

Н.С. Гусельников зачитал Приветственную телеграмму от Департамента образования администрации области, в которой выражена надежда на то, что «организация конференции будет востребована в деле воспитания современной молодежи».

Кстати, в дни ершовского юбилея на корпусе №2 ИГПИ им. П.П. Ершова открыта мемориальная доска памяти В.И. Кодухова.

Вообще Н.С. Гусельников может поставить своим подчиненным хороший балл за полноту научной конференции, бразды правления которой держал проректор по научной работе А.С. Тихонов, обхаживание гостей, вкусные и, к изумлению многих, недорогие обеды в институтской столовой и многое другое. И основную работу по изучению наследия Ершова все-таки ведут сегодня ретроведчица, как она сама себя называет, Т.П. Савченкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, В.Н. Евсеев, доктор филологических наук, профессор, другие ученые ИГПИ. И без преувеличения: юбилейные мероприятия на одном творческом дыхании обозначила именно Татьяна Павловна Савченкова при активной поддержке сподвижников – старшего научного сотрудника Ишимского краеведческого музея Надежды Проскуряковой и Геннадия Крамора. Они – именно вдохновители, которых поддержал город. И уже не

впервые. Один из исторических моментов, высоко духовный и человеческий, – недавнее открытие памятника Прасковье Луполовой. Татьяна Савченкова и Надежда Проскурякова обещают и впредь открывать новые страницы истории малой родины и вести не только главу администрации города В.А. Рейна, но и главу ОМО «Ишимский район» В.А. Ковина на новые дела по увековечиванию имен. Для того, чтобы город Ишим светился в мире.

О.В. Уткова-Устинова, инженер-конструктор лаборатории глубоководных аппаратов института океанологии им. Ширшова Российской академии наук, участник экспедиций по изучению мирового океана на научных судах «Витязь» и «Академик Мстислав Келдыш», отнесла сказку «Конек-Горбун» к вещам, которые не подвластны времени, «как не подвластны времени стремление служить Отечеству, полет мысли высокий. Так есть и люди, не подвластные никаким жизненным обстоятельствам. Обстоятельства могут укоротить жизнь, сделать ее грустной. Когда смотрю на эту аудиторию, на ваши лица, со многими я познакомилась, понимаю, что связь времен прервать нельзя и всегда найдутся герои, которые взваливают на свои плечи огромный труд и радость просветительства и служения Отечеству».

А как увлеченно говорила она на секционном заседании о личности отца – Виктора Григорьевича Уткова:

– Папа был удивительно деликатный и настойчивый в поисках своих. Когда папа ушел, а с ним удар случился в Ленинской библиотеке при работе с архивами, книгами, вокруг меня остался этот огромный архив: книги, записи, рукописи... Ну, думаю, кому нужно? Смотрю, в Сибири нужно: звонят из Тобольска, потом приезжает писатель Сафронов... И вот из Ишима – замечательные люди. Я поняла, что все папину очень нужно. И мне стало легче жить, хотя у меня совсем другая профессия. Все зависит от людей... Появляется один человек и вокруг все начинает бурлить. Все начинает идти в направлении творческом... Потеряв историю, страдаем в настоящем, лишаемся будущего. Папа как раз и писал, что его привлекали люди, которые являются катализаторами... Папа и Ершова, скромного Ершова, относил к таким. Видимо, Ершов пришелся ему по духу – скромный, обязательный...

В личной беседе со мной Ольга Викторовна сказала следующее:

– Я так подумала, что я – счастливый человек, хотя и страшно это говорить. У меня такое ощущение, что я несколько жизней прожила. Такое чувство, что я очень давно живу, потому что так много всегда событий, много хороших людей вокруг. Ну, в общем, жизнь, она настолько богата, если относиться с интересом ко всему, то обогащаешься безумно. И вот линия отца, Ершова, Сибири – это как бы одна жизнь. Другая жизнь – это подводный мир, мечты о возрождении и морской науки, и исследовании

Петр Павлович Ершов

океана, участие во всем этом. И много, много других жизней...

– **Что неожиданного подарила Вам эта поездка в Сибирь?**

– Наверное, Вы ждете от меня, что неожиданным стал Ишим...

– **Вы волны в своих признаниях!**

– Едучи в Ишим я понимала, что там все будет замечательно. Я только, честно говоря, не ожидала такой вот высокой планки в работах, в проектах, в перспективах от этого города. И неожиданным было то, что огромное количество молодежи с ясными глазами, ей это интересно, она живет своей страной, и своим городом. Это главное, что ребята не хотят уезжать, хотят, чтобы в их городе было хорошо, чтобы он развивался: и культура, и искусство, и промышленность. Они – патриоты. Это была приятная неожиданность...

Г.И Вавилина после приветствий заявила, что Пушкинский музей на Мойке, 12, взял шефство над литературным музеем П.П. Ершова в г. Ишиме. «Очень приятно, что за Уралом создается литературный музей, потому что таковых здесь нет. Тем более такому человеку, как Петр Павлович Ершов... Мне видно, что ваш музей будет жить, потому что только симбиоз науки, власти и практикантов музейного дела может решить этот вопрос положительно. Я заметила даже из приглашения, что власть у вас знающая, власть у вас заинтересованная, власть у вас понимающая и власть у вас мыслящая».

Открыла Галина Ивановна череду подарков из категории духовного богатства: серию видеofilмов, путеводители по Пушкинскому музею и его филиалам, книги серии «Пушкинский музей» она вручила В.А. Рейну, Н.С. Гусельникову, Н.Л. Проскуряковой.

Профессор В.Н. Евсеев раскрыл секреты популярности Ершова в докладе «170 лет читаем «Конька-Горбунка». Н.В. Хвастанцева – зам. председателя коми-

тета по культуре Тюменской области, отметила, что «столь представительное собрание – это подтверждение того, что Ершов нам интересен, мы открываем новые грани его личности. Мы открываем его и как истинного интеллигента, талантливую человека, всю свою жизнь отдавшего развитию образования и культуры родного края. Ершов по праву считается одним из известных литераторов Сибири... Хочу высказать слова благодарности в адрес администрации г. Ишима, педагогического института, всех, кто взял на себя огромную ответственность по проведению столь значимой конференции. Встречи почитателей таланта Ершова на его родине станут доброй традицией».

Н.И. Сёзёва рассказала об изобразительной ершовиане в Тюменском музее ИЗО. Одна из 39 коллекций, связанных с культурой и искусством края, посвящена Ершову и насчитывает около 200 уникальных единиц хранения: иллюстрации, изделия декоративно-прикладного творчества, народных промыслов. Начало Ершовской тематике положило в 80-х годах прошлого века собрание иллюстраций из Санкт-Петербурга – от вдовы художника Юрия Васнецова. **А.М. Рязанов** с гордостью и одновременно с присущей ему внутренней интеллигентностью поведал историю создания музея-заповедника А. С. Пушкина «Захарово – Большие Вязёмы». По мнению **В.И. Могойченкова**, директора Тюменского колледжа профессиональных педагогических профессий, заслуженного учителя школы, кандидата педагогических наук, личность П.П. Ершова в том числе учит и как надо исполнять государственное дело чиновникам и предложил задаться целью издания Персональной энциклопедии Ершова и академического «Конька-Горбунка». От имени жителей малой родины Ершова тепло приветство-

Выставка изданий «Конька-горбунка»

вала конференцию Л. С. Филимонова, заострившая еще раз внимание на восстановлении в селе храма Петра Столпника – «это будет достойным памятником нашему земляку и центром духовно-нравственного воспитания».

К. В. Артюхов. Его сообщение уже на секции в ИГПИ о взаимоотношениях Петра Ершова и тобольской семьи Жилиных воспринималось с двойным изумлением, ведь Константин Валентинович – праправнук Анны Петровны Жилиной. Он привез с собой альбомы со стихами, фотографии.

– По моей профессии основной мне легче снимать кино, чем рассказывать. Но дело в том, что я еще люблю заниматься генеалогией и счастливое совпадение, что осталось в нашей семье много всяких документов. У меня был дядя, дядя Коля в Киеве – поэт Николай Русаков. И как-то, я помню в 60-е годы, он принес мне пачку писем и сказал: «Возьми. Может быть, еще лет 50 они сохранятся». Я взял. Я читал. Потом увидел альбомчик, очень красивый альбомчик, я вначале обратил внимание именно на красоту внешнего, а потом на содержание. Тоже он мне его подарил. И первое, что я увидел интересного, это был портрет Натальи Дмитриевны Фонвизиной. С этого и началось мое изучение. А там подошла какая-то дата декабристская. Я показал журналистам, выставил на выставке юбилейной. Здесь есть стихотворение, написанное Натальей Дмитриевной. А альбом принадлежал Анне Петровне Жилиной. Мне она прапрабабушка. У дяди Коли также сохранились миниатюрные портреты имени Успенское – Озерки под Ярославлем. Он забрал их в Киев. А большие портреты погибли. Кроме одного портрета, который был подарен последней хозяйкой этого дома своей подруге. И как-то неожиданно его привезли. И оказалось очень кстати, как очень кстати потом складывались все остальные обстоятельства. Это все говорит о том, что ничего не бывает случайным. Этот портрет оказался портретом матери Анны Петровны Жилиной – Анны Николаевны, урожденной Степановой...

При полной тишине сообщал К.В. Артюхов все новые и новые сведения родословной, которая «написана» честью и любовью к Отчизне, к семье, к детям...

К.В. Артюхов снял фильмы: о Дмитрие Лихачеве, три – о потомках Пушкина, о Державине... За каждым тоже – интересные истории создания, истории отношений с эмигрантами, соотечественниками. Сейчас кинорежиссер занят съемками фильма о Петре Ершове, поэтому любимый творческий процесс продолжался и в Ишиме, и в Ершове (Безруково), и в Тобольске.

– Как Вам открылся наш город? – обратилась я к Константину Валентиновичу.

– Ишим очень интересный город, здесь чувствуется, что бьется живая любовь к истории, молодёжь интересуется историей... И то, что хотят возродить со-

бор в Безрукове, это очень важно. У меня самые лучшие впечатления. И благодарность тем, кто нам помогает в этой поездке. И Нине Петровне Кузовковой, и Надежде Леонидовне Проскуряковой, и Татьяне Павловне Савченковой... Собираюсь приехать летом сюда снова, чтоб продолжить фильм о Ершове...

Казалось бы, неодоушевленный, но на деле очень живой, действующий «герой» – литературный музей Петра Ершова.

– 3 марта 2005 года мы открываем новый музей на Ишимской земле, – эти слова торжественно произносит Н. С. Лам, научный сотрудник. – Литературный музей Петра Павловича Ершова. Он родился под крылом нашего краеведческого музея при поддержке Всероссийского Пушкинского музея на Мойке, 12, Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства, института материальной культуры Российской академии наук, исторического музея г. Москвы, Пушкинского музея-заповедника «Захарово – Большие Вязёмы», Главного литературного музея России. Мы всем очень благодарны...

И выступления со словами благодарности в адрес тех, кто вдохнул в идею жизнь, особенно Т.П. Савченковой, Н.Л. Проскуряковой, Г. Крамору, главы светлой жизни музеем от зам. главы администрации г. Ишима, директора Департамента культуры, молодежи и спорта В.Б. Белоусова, А.И. Васильева, который привез в город 100 экземпляров своего журнала «Врата Сибири», подготовленного в рекордные сроки – за 15 дней – и посвященного нашему земляку, директору Тобольского драмтеатра С.В. Радченко, Н.В. Денисова, А.М. Рязанова, О.В. Утковой – Устиновой. Москвичи, в шутку обозвав себя мешочниками, сделали новорожденному на Российской Ишимской земле музею замечательные подарки: Александр Михайлович – художественный альбом о музеях Московской области, часть карты Тобольской губернии с теми местами, где бывал Ершов, открытки с рисунками Куприянова выпуска 1957 г. и семейную реликвию, по которой учился вместе с сестрой грамоте – «Конька-Горбунка» 1956 года с иллюстрациями Милашевского; Ольга Викторовна – тоже музейную редкость – академическое издание сочинений Ершова, которое составил ее отец, «всего подряд «Конька-Горбунка», который был в магазинах Москвы. Москвичи, настоящие москвичи, народ щедрый и очень уважающий нашу историю.

Еще одно «действующее лицо» – коллективы культурной сферы города. Председатель комитета по культуре Н.П. Кузовкова держала в поле зрения все события двух ершовских дней, создавала гостям особую атмосферу гостеприимства. Ее «подчиненные» – работники краеведческого музея, центральной библиотечной системы. Дома национальных культур и ремесел. Городского дома культуры, концертного зала им. 30-летия ВЛКСМ и другие, не всегда играю-

щие роль именно первой скрипки, но значимые в черновой организаторской работе, придали ершовским дням праздничное обрамление. Со сцены звучали стихи поэта, мелодии композитора Ершова, песни, любимые им. И апофеозом стала премьера спектакля по пьесе Ершова «Суворов и станционный смотритель». Народный театр «Зеркало» с руководителем и главным режиссером, исполнителем роли станционного смотрителя Даниилом Султановым вписали еще одну заметную строку в историю Ишимского театра. И выданные в шутку зрителям свежие помидоры, чтобы забросать в случае провала артистов, пригодились на салат. А вот аплодисментов не пожалели! Как и артистам Тобольского драматического театра, подарившим счастье стать первыми зрителями пятой версии «Конька-Горбунка».

Собирательный образ нашего повествования – зритель, среди которого – много молодых людей – студентов ИГПИ, школьников. «Для них это событие было полезно», – такую фразу скорее скажут взрослые. «Это событие было интересно, класно!» – так говорят сами. Два дня вместили еще и творческие встречи с гостями в краеведческом музее и в ИГПИ. Аудитория №26 – самая большая в ИГПИ – при аншлаге два астрономических часа внимала поэзию из уст Николая Денисова и Анатолия Васильева из Тюмени, Нины Ющенко из Ишима, Нины Морозовой из Хакасии. Честно, я любовалась умением поэтов удерживать внимание, умением ведущего встречу В.Н. Евсеева выстроить ее логическое течение, и радовалась искреннему желанию студентов и преподавателей общаться на уровне сотворчества.

И еще одна теплая встреча – на родине Петра Ершова, в бывшем Безрукове. Встречали гостей глава ОМО «Ишимский район» В.А. Ковин, подтвердивший намерение восстановления храма Петра Столпника и создание этнографического комплекса, работники культуры и учителя сельской школы. Слово кадры кино, рисует память картинки. Вот очень похожий на Ершова артист, конечно, прибывший на лошади с бубенцами, приветствует гостей. Вот льется заздравная песня. Хлеб-соль из рук юной сударыни в нарядном русском платье, но не по сезону, что вызывает мужской поступок Анатолия Васильева – снять свою дубленку и накинуть на плечи девушки, чем очень смутить ее. Удивил гостей мастерством ансамбль казачьей песни «Станичники» – жемчужина культуры Ишимского района. Экскурсия по музею Ершова в школе. Беседы за столом, сервированным традиционно русской пышной выпечкой с молоком, квасом, чаем. И естественные ответные речи разомлевших в тепле гостеприимства гостей. И главная мысль: «Сейчас за эти два дня я поняла, что Россия, она непобедима... В Москве говорят: «В этой стране...». А у вас все говорят: «На этой Земле!».

С Ишимской земли, в очередной раз выдержавшей экзамен на духовность,

отправилась делегация в г. Тобольск. Семь часов в институтском «пазике» не стали утомительными, потому что с нами были все те же звездочки общения – мастера разговора по душам, истые поклонники Ершова – Татьяна Савченкова, Надежда Проскуракова, Геннадий Крамор, Ольга Уткова, Анатолий Васильев и другие.

Программа юбилейных мероприятий в Тобольске тоже включала Всероссийскую научно-практическую конференцию, открытие Всероссийской выставки юных художников по творчеству Ершова, церемонию закладки камня на месте будущего памятника Петру Ершову, возложение цветов к могиле поэта на Завальном кладбище, подведение итогов юбилейных мероприятий в драматическом театре им. П.П. Ершова и две премьеры – «Суворов и станционный смотритель» и «Конек-Горбунок». Ишимцы с удовлетворением еще раз отметили большую искренность и масштабность мероприятий, пропущенных через себя, на своей родине. И, тем не менее, были активны в Тобольске, привнесли вдохновение, показали, как надо работать с творческим наследием, беречь его, изучать. Уровень истинной любви, уровень открытий, достигнутый все той же Татьяной Савченковой, тоболякам еще долго придется нарабатывать. И понять, что делаем одно общее дело во Имя Ершова, а не составляем кто больше. «Мы вам Ершова не отдадим», – вроде как пошутила дама в летах еще перед пленарным заседанием. «А мы его уже забрали», – парировала Н.Л. Проскуракова.

Т.П. Савченкова завершила свое пламенное выступление словами: «Вполне возможно, что книга благополучно хранится в фондах ТРИАМЗ, нужно только поискать». Речь – о русском переводе Ершовым книги Клеменса Брентана «Размышления Анны Катарини Эммери», о котором Татьяна Павловна уже говорила и на ишимской конференции. И ведь права оказалась! На церемонии открытия в Тобольском музее литературной Ершовской гостиной, рассматривая внимательно экспонаты, среди которых, к счастью, много сохранившихся подлинных вещей Ершова, она потрясенно воскликнула: «Так это же она!». И пояснила стоящей рядом журналистке О. Ожгибесовой, что перед ними – рукопись Ершова – перевод Клеменса Брентана под названием «Тайная вечеря, или Страдания Иисуса Христа». Потом это сообщение прозвучало для всех. И комментарий Евгения Акулича, директора Тобольского музея-заповедника: «Ради этого стоило приехать из Ишима в Тобольск», радость всех, кто был на церемонии. Теперь Т.П. Савченкова собирается в литературную гостиную в научную командировку, чтобы поработать с рукописями Ершова.

У каждого, наверное, были и еще причины, чтобы ехать в Тобольск. Я впервые была в этом городе. В моем блокноте, на кассетах остались еще записи, а в сердце – открытия, которые со временем обретут форму. Есть светлое,

Татьяна Павловна Савченкова

духовное: Кремль, вид на ночной Тобольск, посещение Абалакского и Иоанно-Введенского женского монастырей, художественного салона, знакомство с мастером резьбы по кости Минсалимом и научным сотрудником художественного музея Еленой Швецово... От экскурсии по нижней части города осталась боль: так много исторического, ценного утрачено. «Здесь был дом Ершова... Здесь был дом Фонвизина... А это разрушающаяся церковь Захарьи и Елизаветы... Михаила Архангела... Рождественская церковь...», – наш добровольный гид Геннадий Крамор отлично провел экскурсию, подчеркнув стилиевые особенности архитектурных сооружений.

И все-таки главное ощущение – жители Тобольска – при властях и должностях, просто граждане – начинают понимать, что доставшееся им наследство светлого града нуждается в каждодневной работе по сохранению, восстановлению памятников, увековечиванию памяти земляков. Имя-то столицы духовной культуры вся Сибири надо наполнять соответствующим содержанием. Неужели дело только в таких сподвижниках, как Т.Савченкова и Н. Проскуракова, о которых Е. Акулич сказал: «Мне бы таких женщин, я бы горы свернул!»?

P. S. А последним аккордом ершовских торжеств в Ишиме все-таки стало специальное совещание по анализу и подведению итогов в администрации города при активном участии ректората ИГПИ им. П.П. Ершова. В.Б. Белоусов на Ученом совете вручил грамоты А.С. Тихонову и Т.П. Савченковой, благодарственные письма другим преподавателям и сотрудникам ИГПИ. Симбиоз власти и науки обещает жить и приносить взаимное удовлетворение, и в том числе и во славу П.П. Ершова.

Людмила Марикова,
Фото Геннадия Крамора,
г. Ишим.

Ириной спокойствия

Шесть лет минуло, как вся читающая Россия, весь мир отмечал двухсотлетнюю годовщину со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. В истории русской поэзии есть и другие даты, связанные с именем поэта, – Лицейская годовщина, Болдинская осень и, конечно, жизнь и творчество Пушкина в Михайловском...

Все, что писалось и пишется о поэте, пожалуй, не уместится в бывший рабочий кабинет последней квартиры Пушкина на Мойке.

Интерес к личности поэта не ослабевает. Каким он был? В жизни, в творчестве?

Пушкин не дождался изобретения фотографий. Среди его портретов, как прижизненных и, тем более, посмертных, нет ни одного, который точно отражал бы его облик. Об этом говорит современная сравнительная компьютерная обработка всей пушкинской иконографии.

Сам поэт об одном из своих портретов, а написан он крупнейшим портретистом России XIX века Орестом Кипренским, сказал так:

*Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.*

Описания тех, кто встречался с Пушкиным в быту, противоречивы: слишком он был подвижен, стремительно переменчив. И весь его облик точно отражал постоянную смену его впечатлений и настроения.

Опираясь на свидетельства современников Пушкина и его письма, я попытался «увидеть» поэта на фоне его родовых имен – Михайловского и Болдина.

Валерий Новиков, искусствовед, член Совета Тюменского общества русской культуры. Портрет А.С. Пушкина (с бородой и усам) выполнен автором публикации.

Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но должна признаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика – особенно его удивительных глаз. Это были особые поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых его душой. Других таких глаз я за всю мою долгую жизнь ни у кого не видала. Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлиннные ногти.

В.А. Нащокина. Воспоминания. Новое Время, 1898.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей. Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни – ей-богу приятнее щемит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр.

Пушкин – П.А. Вяземскому. 9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Москву.

Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне, здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет – ни саранчи, ни милосердия Уоронцовых. Уединение моё совершенно – праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко – целый день верхом – вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз её видели, она единственная моя подруга – и с нею только мне не скучно.

Пушкин – Д.М. Шварцу. 9 декабря 1824 г. Из Михайловского в Одессу.

Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а всё потому, что не спокоен. В Михайловском нашел я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нём няни моей и что около знакомых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах. На которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю.

Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 25 сентября 1835 г. Из Тригорского в Петербург.

...Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.
1835

Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение. Здесь нашел я Безобразова (что же ты так удивилась? Не твоего обожателя. А мужа моей кузины Маргаритки). Он хлопочет и хозяйничает и, вероятно, купит пол-Болдина. Ох! Кабы у меня было 100000! Как бы я всё это уладил; да Пугачёв, мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесёт, да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать; буду жив, будут и деньги... Вот едет ко мне Безобразов – прощай.

Ух, насилу отвязался. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили – дай бог, чтоб я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подурюша и что меня опять оплетут – увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в Петербург молодцом и обладателем села Болдина...

трудо́в и вдохнове́ния

Сейчас у меня были мужики, с челобитьем; и с ними при-
нужден я был хитрить, но эти наверное меня перехитрят...

Ну, женка. Умора. Солдатка просит, чтобы её сына запи-
сали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де
родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так
какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорблён-
ной вдовы.

Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 15 и 17 сентября 1834 г. Из
Болдина в Петербург.

Вот уж скоро две недели, как я в деревне, а от тебя еще
письма не получил. Скучно. Мой ангел. И стихи в голову ней-
дут;

и роман не переписывается. Читаю Вальтер Скотта и Библию...
Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 20-е числа (не позднее 25)
сентября 1834 г. Из Болдина в Петербург.

...весьма не худо было бы мне приняться за альманах или
паче за журнал, я и не прочь, но для того должен я быть уве-
рен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами видите:
щелкопёры нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядоч-
ный отпор. Пушкин – Н.М. Языкову. 26 сентября 1834г. Из Бол-
дина в Языково.

Не стражай меня, женка, не говори, что ты искокетнича-
лась; я приеду к тебе, ничего не успею написать – и без денег
сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду
работать и спешить. Вот уж неделю. Как я в Болдине, привожу
в порядок мои записки о Пугачёве. А стихи пока ещё спят. Коли
царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых
денег, заплатим половину долгов и заживём припеваючи.

Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 8 октября 1833 г. Из Болдина в
Петербург.

Женка, женка! Я езжу по большим дорогам, живу по три
месяца в степной глуши, останавливаюсь в лакостной Москве,
которую ненавижу, – для чего? – Для тебя, женка; чтоб ты была
спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои
лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам,
неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств
семейственных, ревности etc. etc.

Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 6 ноября 1833 г. Из Болдина в
Петербург.

Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-пер-
вых, отпустил я себе бороду; Ус да борода – молодцу похва-
ла: выйду на улицу, дядюшкой зовут. 2) Просыпаюсь в 7 ча-
сов. Пью кофе, и лежу до 3-х часов. Недавно расписался и уже
написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в 5 – в ванну. И
потом обедаю картофелем да гречневой кашей. До 9 часов
читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо.

Пушкин – Н.Н. Пушкиной. 30 октября 1833 г., из Болдина.

Виноват, Ваше сиятельство! Кругом виноват. Приехав в
деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль,
хозяйственные хлопоты, лень – барская, помещичья лень – так
одолели меня, что не приведи боже. Не дожидайтесь Белкина...

Пушкин – В.Ф. Одоевскому. 30 октября 1833 г. Из Болди-
на в Петербург.

Мы сочувствуем несчастным из своеобразного эгоизма: мы
видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствовать
счастью может только весьма благородная и бескорыстная
душа.

Пушкин – П. А. Осиповой. Из Болдина в Опочку.

Пушкин занимался по ночам; все на селе и в доме спят, а
он пишет; он был живой, порывистый, вскочит и ходит, ходит
из угла в угол задумчиво. Заложив руку за спину; вдруг садит-
ся к столу и пишет, пишет; всегда перед ним на столе чай с
ромом в бокале... Ходит, подойдёт, – выпьет глоток, опять хо-
дит, вдруг к столу и пишет, пишет...

Был у Пушкина в Болдине лакей, из болдинских крепост-
ных, по фамилии Торгашев. Пушкин часто беседовал с ним,
шутил, брал с собой на прогулки. Один раз Пушкин обратился
к нему со словами: «Торгашев, остриги меня, сними усы и бо-
роду», – потом засмеялся и пригласил его с собой ехать вер-
хом в «Лучинник» (рощу). Но едва они успели завернуть за гум-
но, – откуда-то взялся заяц и перебежал дорогу. Пушкин тот-
час же вернулся домой. Дело было лунной ночью: Пушкин лю-
бил в такие ночи ездить в «Лучинник» (в двух верстах от Бол-
дина).

Сем. Раевский, болдинский диакон; со слов его сына Ф.К.
Раевского записал А.И. Звездин. 1912 г.

Когда Пушкин проезжал через Москву, его никто почти не
видел. Он никуда не показывался, потому что ехал с бородой,
в которой ему хотелось показаться жене.

П.А. Киреевский – Языкову. 17 января 1834г.

При выезде моем из Москвы, Гаврила мой так был пьян и
так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его
на большой дороге в слезах и истерике; но это всё на меня не
подействовало. Дома нашел я всё в порядке. Жена была на
бале, я за нею поехал – и увёз к себе, как улан уездную ба-
рышню с именин Городничихи.

Пушкин – П.В. Нащокину, 24 ноября 1833 г., из Петер-
бурга.

Возвратившись в Петербург, Пушкин не застал жену дома.
Она была на бале у Карамзиных. Ему хотелось видеть её воз-
можно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей
сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету
Натали Николаевны, садится в неё и посылает лакея сказать
жене, чтоб она ехала домой по очень важному делу, но нака-
зал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный воз-
вратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала ска-
зать лакея во второй раз сказать, чтоб ехала домой безотпла-
тельно. Наталья Николаевна вошла в карету и прямо попала
в объятия мужа. В.А. Нащокина. Воспоминания. 1898 г.

Пушкин привез с собою несколько тысяч новых стихов, в
двух или трёх маленьких поэмах, и поделился с нами своею
странный котомкою.

Кн. П.А. Вяземский – И. И. Дмитриеву. 23 декабря 1833 г.,
из Петербурга.

Сим имею честь донести, что г. Пушкин пребывание имел Лу-
кьяновского уезда в селе Болдине, имеющем расстояние от вве-
ренного мне уезда не более трёх вёрст, во всё время пребыва-
ния его, как известно мне, занимался единственно только одним
сочинением, ни к кому господам не ездил и к себе никого не при-
нимал, в жизни его предосудительного ничего не замечено, а сего
9 числа он, Пушкин, отправился чрез Москву в С.-Петербург.

Сергачский земский исправник Званцов в донесении
нижегородскому военному губернатору М.П. Бутурлину от
11 ноября 1833 г.

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

** Ученые доказали, что в древности всю Европу населяли русские. * Русская письменность существует несколько десятков тысяч лет. На всей территории от Великобритании до Аляски в каменном веке жили русские. * У русских из официальной истории просто отрезали 9 веков. * Вся Евразия была занята не просто славянами, а русскими.*

Чудинов Валерий Алексеевич, профессор кафедры культурологии и менеджмента в Государственном университете управления, доктор философских наук, кандидат физико-математических наук. Автор многих книг и исследований.

Опираясь на исследования, которые профессор Чудинов описал в книге «Священные камни и языческие храмы древних славян», сам собой напрашивается вопрос, что русский язык – один из древнейших языков на земле и один из столпов всех языков. Результаты этих исследований можно без всякого преувеличения назвать сенсационными и способными изменить современные представления о истории евроазиатских стран и влияний древней культуры славян на всю европейскую (и, вероятно, на всю мировую) цивилизацию.

Корреспондент КМ. РУ задал несколько вопросов профессору.

– Ваши открытия очень серьёзны, они абсолютно выбиваются из того понимания истории, к которому мы привыкли...

– Это только часть большого плана. А творческий план у меня – доказать, что славянская письменность существует, по крайней мере, несколько десятков тысяч лет. Сейчас я пишу книгу, которая будет называться «Русские надписи каменного века». Если в этой книге меня интересовали сами камни и храмы, то там я исследую надписи на животных. Вы знаете, что в пещерах Франции очень много изображений разных животных? И когда их начинаешь умело обрабатывать, потому что иначе надписи не видны, то оказывается, что на мамонте написано – «мамонт», а на лошади написано «дил»! Отсюда появилось русское слово «коркодил» Потому что схема словообразования одинаковая – «корковый дил» – конь из корки, а корка – чешуя. Поэтому у нас не искаженное английское или латинское слово, а, наоборот – это искаженное русское: было «коркодил», а стало «крокодил».

– Почему раньше, до Вас никто не получал подобных результатов, ведь наверняка исследования проводились?

– Действительно, за выполнение задачи брались многие исследователи, но они просто тонули в ворохе фактов. Меня от них отличает то, что я исхожу из существования докирилловской письменности как данности, причем не одной системы письма славян, а многих, из которых одна, а именно слоговая руница, мне не только известна фактом своего существования, но, после её дешифровки, дала мне возможность читать и понимать множество текстов. Сегодня я их прочитал более полутора тысяч и каждый месяц читаю по десятку новых. И теперь стала выявляться логика исторического развития славянского письма.

Сейчас совершенно очевидно, что наши предки в течение многих тысячелетий обладали традициями письма, ВЕСЬМА ПРОДУМАННОГО И ПО-СВОЕМУ СОВЕР-

ШЕННОГО – это в то время, когда большинство европейских народов писать и читать не умели.

– Невероятно. Как к Вашим открытиям относятся ваши коллеги ученые?

Первая реакция людей, которым становятся известны результаты моих исследований – не может быть! И их удивление можно понять. Ученым же признать это просто невыгодно – это ломает множество стереотипов и устоявшихся взглядов и не слишком их радует, т.к. они до сих пор говорят, что самобытного письма у славян до кириллицы не было. Потому и сама проблема докирилловского письма оказывается чуть ли не научной ересью, а защитник подобных взглядов представляется ученым дерзким самозванцем. Поэтому крупные исследователи от решения этой проблемы уклонились.

Я тоже не сразу решился на публикацию своих работ. К сожалению в России своих дешифровщиков не нашлось. Это объясняется не столько слабостью отечественной науки, сколько ее позицией: тон в истории задавали немцы, приверженцы норманнской теории, по которой Русь заимствовала у скандинавов не только князей и государственность, но и письменность. Вообще, эта проблема на мой взгляд имеет даже серьезный политический оттенок, т.к. заставляет пересмотреть место древних славян во всей истории.

– Опираясь на Ваши исследования, можно, сделать вывод, что славянский язык, а значит, и русский язык – один из древнейших языков на Земле?

– Пока получается так, но дело в том, что я не затрагивал, скажем, южные регионы Азии: может быть, китайский – такой же древний. Но если взять всю Евразию, начиная от Великобритании и кончая даже Аляской, то весь этот север, действительно, в каменном веке был весь русским. Складывается такое впечатление, что русский язык был тем самым единым языком, о котором в Библии писали, что был один язык до построения Вавилонской башни. На самом деле, видимо, так оно и есть.

Как говорил один мой коллега, «мы живем в оккупированной стране», и этим очень многое объясняется. Потому что, если всерьез этим заняться, придется пересмотреть всю историю. Например, германцы пришли на славянские территории в 1 веке нашей эры и стали теснить славян. В Германии осталось очень много славянских названий, один Росток чего стоит. И вот еще славянские названия – Бранденбург – назывался Бранний Бор, то есть оборонный лес.

– А как доказывается, что это именно так, а не наоборот? Что раньше был не «бург» у них, а у нас, в России, «бор»?

– Во-первых, можно посмотреть в предание – германцы как народность Европы появляются в I веке н. э. Они приходят откуда-то из Азии. Второе: можно провести археологические раскопки. Такой анекдот был: Гитлер, когда уже начал проигрывать войну, решил воодушевить своих воинов, раскопать что-нибудь в округе

Берлина, чтобы сказать – вот наши святыни, тут до нас жили немецкие крестьяне. Раскопали – везде кругом славянские поселения.

Ну так вот, германцы пришли в I веке, они жили несколько веков тихо, пока не окрепли, и в 9–10 вв. начали вытеснять славян «огнем и мечом». Скажем, был город Липск, они его переименовали в Ляйпциг, Дрезден тоже изначально был не Дрезденом, а что-то типа Дроздова.

Все эти города были славянские, и германцы оттуда всех славян выгнали. Вторая фаза, когда началась постепенная германизация оставшихся славян, германцы их начали вышучивать. Скажем, в эпоху Возрождения они писали книги типа «Корабль дураков»: когда вы начинаете читать, то видите – везде написано «славянин, славянин». Все дураки – славяне. Это и было началом их морального вытеснения. И, наконец, взять XIX век, когда появляется немецкая историческая школа. И в этой немецкой исторической школе есть два положения. Первое положение: кто первым пришел в Европу, тому Европа и принадлежит. И второе положение: первыми пришли в Европу германцы. Все остальное отсюда вытекает. Дальше – Петр Первый всего года не дождал до открытия Академии Наук. По сути дела, комплектацию Академии Наук взяла на себя Екатерина Вторая. Русскую историческую науку возглавили три человека – Миллер, Байер, Шлецер. Что они могли сказать о русской науке? Они так и сказали – у России государственности в средневековье никакой не было, они ее заимствовали у немцев. Когда начинаем смотреть – в 9–10 вв. у нас уже была государственность, у немцев ее еще не было. По этой причине мы ее не могли у них заимствовать.

Письменность мы, оказывается, у немцев взяли. Как мы могли взять у них письменность, если когда они пришли, письменности никакой у них не было?! Есть так называемые германские руны, но они их взяли от славянских вендов, а венды взяли от венедов. И опять, то, что оказалось у немцев – продукт славянского творчества. Но немцы все время говорят наоборот. И они отодвинули историю. До этого, в XVI веке, не только мы, но и поляки Строяковский, Бельский четко пишут, что русские помогали не только Александру Македонскому, но еще и его отцу Филиппу, Екатерина Великая тоже на них ссылается, и они пишут, что русские грамоту задолго до Рюрика имели. Им за помощь Александру Македонскому грамота золотая была дана, но она попала в Константинополь, потом Константинополь заняли турки, а турки этими документами топили бани, и грамота была утрачена. И действительно, так было, повезло одному болгарскому послу, который наудачу купил один воз бумаг, потом оказалось, что это бумаги древнего Болгарского царства, и они обрели себе несколько веков писаной истории. Поэтому получается, даже официально, что история русских – это 4-й век до нашей эры (Александр Македонский). Но если вы берете сейчас любой учебник славянской истории, вам говорят: «Извините, самое раннее – это 5 век нашей эры». То есть у нас 9 веков просто отрезали.

– Теперь возьмите современную украинскую историографию: она пишет, что Киевское государство было украинским, все князья были чисто украинскими. Так ведь Украина-то и не было. Украина появляется лишь в XVI веке. Это была польская окраина. Когда великое княжество Литовское объединилось с Польшей, появилась Речь Посполитая, вот тогда эти земли вошли как окраи-

на. Вообще, Украина – это искусственное образование. Если следовать украинской историографии, то Россия появилась даже не с 5 века, а с 14. И нам сейчас всего 6 веков. Создается впечатление единой исторической модели – приходит какой-то народ на славянскую землю, берет эту землю, вытесняет оттуда славян огнем и мечом, оставшихся переводит в свою культуру, эти люди начинают говорить на этом языке. И через некоторое время появляется кабинетная историография.

– Так, может, русские, славяне такие слабые, раз кто-то приходит и их вытесняет?

– Они не слабые, они добрые.

– А украинцев славянами можно считать?

– Сложный вопрос. Если судить по палеолитическим надписям – там было славянское полногласие. Я занимаюсь этрусками, и выяснилось, что этрусский язык – это разновидность белорусского языка. Более того, на одном из зеркалец написано, что они пришли от кривичей, а столица кривичей – город Смоленск. А другая часть – это полочане из Полоцка. Вот кто образовал этрусков. Они пишут два слова по-этрусски, по-белорусски, а остальное пишут по-русски! И абсолютно четко понятно, что полногласие существовало и в античности, и в палеолите, оно присуще и украинскому языку. Но в украинском языке «о» переходит в «и». По-русски «он», по-украински «вин», по-русски «только», по-украински «тильки». Это гораздо более позднее явление. Получается, столбовая линия – русский язык, а украинский – побег. А мы сохранили тот самый древний основной язык. Единственное – у нас появилось русское «аканье», а в палеолите мы «окали». И появился звук «э», который характерен для русского языка, а раньше его произносили, как «е».

– Вы говорите, что латынь вышла из русского языка?

– Поскольку вся Евразия была занята не просто славянами, а русскими, совершенно понятно, что любой народ, который приходил, вовлекался в эту культуру и прежде всего в этот язык. Ярослав Кеслер пишет, что все романские языки – это просто искаженный славянский язык. Вы чуть-чуть поскребите любые европейские слова и получите русские. В своих книгах я привожу такие примеры, хотя их существуют тысячи.

– Какими источниками Вы пользуетесь? Как вообще происходит процесс дешифровки и чтения древних текстов?

– В последней своей монографии «Священные камни и языческие храмы древних славян» я привожу более 200 иллюстраций таких объектов – от камней до храмов. На этих камнях и каменных сооружениях можно видеть эти надписи, это может перепроверить любой желающий при определенном старании. Дело в том, что приходится для лучшего контраста инвертировать черный в белый цвет и наоборот, тогда надписи выглядят намного контрастнее и легче читаются.

В книге я привожу изображения камней и сооружений на территории современной России, Украины, Германии, Великобритании, Польши, Литвы, Греции, Италии.

Я пойму удивление и вероятное недоверие к моим словам, но предлагаю ознакомиться с материалом хотя бы одной этой книги. Уверен, читатель будет моими доказательствами и полученными результатами исследований полностью удовлетворен и откроет для себя потрясающий мир древних славян.

– Большое спасибо, Валерий Алексеевич!

В течение почти двух десятилетий Россия живёт без национальной идеи и идеалов. Статьи и книги, написанные на потребу дня, не отражают мысли и чувства населения страны. Многие авторы пытаются представить Россию как маргинальное государство, возникшее совершенно случайно. Это недружелюбное, враждебное отношение к России не выражает истинной сути вопроса...

Первым великим произведением, содержащим национальную идею, было «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона – одиннадцатый век. Иларион впервые ввел понятие «русский народ», пророчествовал о миссии России. Основываясь на глубоком религиозном чувстве русского народа, он говорил о сплочении его на национальной основе, о патриотизме, о самопожертвовании, о героизме в период опасности для Отечества.

Сущность национальной идеи Илариона связана с единением славян, с христианским преображением жизни, построения её на началах истины, добра, красоты.

Шестнадцатый век. Оформилась национальная идея о Москве как о третьем Риме. Ей предшествовала полемика между «нестяжателями» и «осиофлянами» о вытягивании церкви в мирские дела, против её обмирщения, ведущего к забвению её роли как духовного пастыря, а также против всякого рода ересей в православии.

Игумен псковского Спасо-Елиазрова монастыря Филофей писал великому князю Василию III-ему о существовании двух христианских центров: древний Рим, который пал, т.к. отошел от истинного христианства, затем Византия, изменившая христианству, пойдя в 1439 году на унию с католической церковью. Как следствие, произошло падение Византии, завоеванной турками в 1453 году. Москва, по мнению Филофея, стала мировым центром христианства. Россия избрана Богом и является единственным наследником древнего Рима: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти».

Идея Москвы как третьего мира становится ведущей идеологией позднейшей московской Руси. Она была признана служить не только обоснованию исключительного значения церкви, но и государства. Эта национальная идея носила мессианский характер «священного царства», подчеркивала «русское православие», делая ударение на слове «русское», «Святая Русь». Таким образом, христианизация Руси и падение Византии ознаменовались двумя национальными идеями «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Третьего Рима»

В нынешней России нет

монаха Филофея, сыгравшими огромную роль в становлении и развитии России XI–XVI веков.

Поиски национальной идеи продолжались и в последующие столетия прогрессивными интеллигентами России. И здесь необходимо сказать прежде всего о философско-теоретическом наследии двух мощных идеологических направлений общественной жизни Отечества, оказавших влияние на всю историю России. Я имею в виду идеи славянофилов и западников, неославянофилов или, как их называли – «почвенниками» во второй половине XIX века. Им предшествовали идеи любомудров, молодых людей, занимавшихся изучением истории и философии. Философский кружок: В. Одоевский, поэт Д. Веневитинов (рано умерший), И. Киреевский, Н. Рожалин и другие, – был основан в 1823 году. Эти юноши в своих историософских поисках сформулировали такие опорные идеи, жизнь которых стала на долгие десятилетия достоянием национальной общественной мысли. Любомудры определили самоценность национального начала, противопоставив духовные традиции страны западным. Они обсуждали вопросы о том, в чем предназначение России, на что она может надеяться, какова ее дальнейшая судьба. И пришли к выводу: «XIX век принадлежит России». И, кстати, не ошиблись, т.к. по мнению многих выдающихся мыслителей XIX век был, с точки зрения развития культуры, не только серебряным, но и золотым. Лидер любомудров В. Одоевский сформулировал понятие о русской идее как о синтетическом примирении всех идей. Эту мысль позднее развивали Ф. Достоевский, В. Л. Соловьев, Н. Бердяев и другие. В. Одоевскому, Д. Веневитинову принадлежат идеи, легшие в основу славянофильского мессианизма. В. Одоевский писал: «Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени – слишком простым: Запад гибнет. Ни одно тело спасти должны мы, Русские, но и душу Европы». Национальные идеи любомудров были изящны, глубоки и оригинальны. Они в своих статьях подняли вопрос о раздробленности внутреннего духовного мира народа, являющейся главным препятствием к постижению истинной России, отметили моральный упадок европейской цивилизации, осудили эгоизм, индивидуализм, страсть к наживе. Их национальное поле было ориентировано на устойчивые мировоззренческие тенденции и направле-

ния, связанные с Православием. Православие понималось любомудрами как идеологическая конструкция, несущая в себе преобразования всех воззрений, их институционального воплощения в жизнь российского общества. Сквозной линией размышления как поиска особого пути развития России явилась антитеза «западничество – славянофильство». После философического письма П. Чаадаева, потрясшего всю «мыслящую Россию», развернувшаяся полемика между западниками и славянофилами имела не только теоретико-философский характер, но и практический. Славянофилы выдвигали свою патриотическую идею о возможности коренного изменения социальных отношений на основе соборного православного сознания, носителем которого объявлялся русский народ. Движущей силой славянофилов была не ненависть к Западу, а борьба за русскую самобытность. Их критика западных ценностей, особенно триады (свобода, равенство, братство), ставшей знаменем русских западников, связана прежде всего с тем, что они призывали к господству индивидуализма, разъединенности, обособленности духовной жизни внешними обстоятельствам, господству материальных ценностей над духовными. Поэтому славянофилы солидаризировались с официальной доктриной, выдвинутой министром просвещения в период правления Николая I С. Уваровым «Самодержавие, Православие, Народность». Они искренне были убеждены, что православие как идеология России способна вывести человечество на путь спасения.

Основоположник славянофилов А. Хомяков писал: «Каждый человек находит в церкви самого себя, но не в беседе своего духовного одиночества, а силе духовного единения с братьями, со Спасителем». Здесь понятие «соборность» обретает широкое значение, сама православная церковь понимается как некий аналог множества людей, объединенных силой любви в свободное органическое общество. Национальной идеей славянофилов, как и любомудров, было учение, рассматривающее Православие как идеологию, фундамент, основу всех исторических и общественных реалий сегодняшней и будущей России.

Взгляды западников прошлого и настоящего характеризуются их сторонниками как позитивная тенденция и как адекватная естественная идеология в условиях России. Многие западные политологи убеждены, что для России нет другой альтернативы, как

национальной идеи

принять западные ценности, западный образ жизни. Подобный взгляд на западную цивилизацию с ее ценностями, они отбирают из резервуара традиций или конструируют лишь те, которые несут констатацию о включенности России в контекст мировой, прежде всего европейской, истории.

Во второй половине XIX века идеи славянофилов получили свое продолжение в идеологии почвенников, представленными такими мыслителями, как Ф. Достоевский, А. Григорьев, Н. Данилевский, Н. Страхов, К. Леонтьев. Продолжая идеи славянофилов, почвенники центр своих философских размышлений сместили в сторону «национальной почвы». Они писали об особой роли, миссии русского народа, всего славянства, призванного спасти человечество от моральной деградации, идущей от притворных идей Запада. Н. Данилевский в книге «Россия и Европа» писал: «Для всякого славянина, после Бога и его святой церкви, — идея славянства должна быть высшей идеей». Национальной идеей почвенников стала проблема славянского мира, его место в истории и судьбе русской и славянской культур. Высшими идеалами и целями должна жить Россия, бескорыстно должна служить человечеству. Ф. Достоевский учил: «Если нация будет жить своими интересами, то она погибнет, очоленет, обессилит и умрет. А выше целей нет как те, которые поставит Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое».

Прекрасная национальная идея сегодня не потеряла актуальности, национальная идея почвенников через восемь столетий перекликается с идеями митрополита Киевского Иларiona. Сущность национальной идеи на протяжении почти тысячелетней истории развития России в ее державообразующей тенденцией, интеграции славянских народов. Русский народ, как коренник, объединив славянские племена, образовал государство и провел его через тысячелетие своей истории. Не многим нациям удавалось подобное в истории человечества. Но, к великому сожалению славянских народов, они сегодня, в начале третьего тысячелетия, разобщены. Славянские народы связывают не только культурные, бытовые традиции и ценности, но, главное, — православная вера. 140 лет назад, великий патриот, поэт Ф. Тютчев в стихотворении «Славянам» пророчески писал:

...Опально-мировое племя,
Когда же будешь, ты, народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгод.
И глянёт клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас!
Мы ждем и верим провиденью,
Ему известен день и час...

Хочется надеяться, этот «день и час» славянских народов наступит, ибо это веление времени, геополитической стратегии и желание народов. Мы сегодня знаем планы Запада в отношении (частично осуществленные) Сербии, Украины, России, Белоруссии. В советский период национальная идея существовала, построение развитого социализма, несмотря на утопическую концепцию, дало возможность создать великое сильное государство, способное сломать хребет фашизму, и с которым считались все страны планеты. По-разному можно относиться к советскому периоду, просуществовавшему более семи десятков лет, в соответствии с национальной идеей строилась внешняя и внутренняя политика страны, четко прослеживались идеологические приоритеты, выражающие характер социально-экономических и культурных отношений. Величие страны измеряется не только экономическим, но и духовно-нравственным уровнем ее, утверждением идеала, фокусирующим в себе все высшие представления нации. Советская цивилизация войдет в историю человечества достижениями в области социальных, национальных отношений между людьми, высшими успехами в области образования, здравоохранения, развития науки и культуры.

Сегодняшнее состояние России, в которой господствует имущественное и социальное неравенство, приводит к отсутствию единства нации и, соответственно, отсутствию национальной идеи и исторической судьбы народов. Потребность в национальной идее возникает тогда, когда народ чувствует угрозу со стороны западной цивилизации, с ее доминирующей либерально-демократической идеологией, распространяющейся на различные континенты земного шара. Либерал-демократы, рьяно разрушая советскую цивилизацию, привели Россию в такое состояние, что масштабы их деятельности невозможно описать в привычных терминах социологии. Либерал-демократ Е. Гайдар в своей книге «Долгое время» повторил то, что он озвучил на вербальном уровне: Россия может существовать и без русских. Россия сегодня вымирает со скоростью 1.000.000 человек в год, в основ-

ном — русских, поэтому необходимо заселить ее эмигрантами со всего света — от семисот тысяч до одного миллиона в год. С чем столкнется Россия? Уже сегодня на долю эмигрантов приходится до 70% всех преступлений. Эта этническая пестрота со своеобразными стереотипами, разными традициями, поведенческими структурами и культурными доминантами предполагает обучение эмигрантов, на которое из бюджета страны потребуются миллиарды долларов. Демограф А. Вишневский предупреждает: «Что скрывать, эмиграция инокультурного населения несет немало опасности. Россия может увязнуть в бесконечных этнических конфликтах, и окажется неспособной к приему иноэтнических эмигрантов».

Наши современные западники стремятся изменить духовный строй русского человека, они стараются выбить русского человека из традиций, заставить забыть ценность, сложившиеся на протяжении многовековой истории развития культуры. Но Россия всегда была идеократическим государством. Национальная идея, идеалы, ценности и идеология являются державообразующими, стержневыми опорами страны. Без них русское общество обречено на политическое и экономическое рабство и вымирание, что и происходит с Россией сегодня.

Несколько лет назад, в одной из статей я пытался сформулировать национальную идею, означающую совокупность специфических черт, характерных для русской нации, ее великой культуры, ментальности, ставшей основополагающей, стержневой основой России. Национальная идея означает определенный уровень национального самосознания в каждый данный момент истории Отечества. Она воплощает в себе дух нации и отражает помыслы и чаяния не только русского народа, а всего населения страны. Повторюсь: под национальной идеей я понимаю систему, состоящую из элементов. Элементами этой системы, пронизывающими все сферы бытия общества, являются самые дорогие, святые понятия, присутствующие в русском этносе на протяжении всего развития России. Вот эти понятия: Бог, Православие, Государство, Патриотизм, Дух, Душа, Соборность, Совесть, Справедливость, Милосердие, Доброта, Мужество, Самопожертвенность, Смелость, Героизм, Всепрощение, Национальный Идеал, Самодержавие, Народность.

Станислав Ломакин,
зам. председателя Тюменского
общества русской культуры.

Тревожные строки

Уже несколько десятков поэтических книг вышло в издательстве «Исеть» города Шадринска в серии «Библиотека газеты «Тюмень литературная» под редакцией Николая Денисова. Новая книга мансийского поэта Андрея Тарханова «Поющие молнии» занимает значительное место в его зрелом творчестве. В пленительной прозрачности, достигнутой простотой и ясностью, отразились его размышления о природе, любви и России. Непринужденностью дышит неподражаемая поэтическая индивидуальность известного в России поэта – Андрея Тарханова.

Я – мученик радостный Бога.

По воле его на земле

Кремнистую выбрал дорогу,

В камень она и золе.

... Душа моя – знак притяжения

Страданий и болей людских.

И в этом мое вдохновенье,

И обретает паренья

Обласканный муками стих.

Почти в каждом стихотворении чувствуется энергический, стремительный слог. И проистекает он в большей мере из того, что поэт поддерживает душу в состоянии непрерывного и живейшего волнения, заставляет ее быть деятельной, увлекая ее, зачастую очень резко, от одной мысли к другой, от одного образа, идеи, предмета – к другим. Жизнь – главное достоинство поэзии Тарханова. Красота стиха связана с простотой и ясностью. Они являются самодовлеющими элементами его поэзии.

...Беспокойство Тарханова о судьбе России тревожит и читателя, так как его суждения относительно разора страны достигли таких масштабов и, соответственно, такой степени его убежденности, что иной раз при чтении стихов и статей поэта невольно встает вопрос: когда же кончатся эти антинародные реформы, когда Отечество обретет стабильность и силу, когда произойдет очищение души, возрождение и воскресение России?

Природа вдохновляет поэта, а то, что происходит сегодня в России душевно травмирует его. И нас, читателей.

И, глядя на пустые пашни,

Былому говоришь: прощай!

Но это злое запустенье

Полей – повсюду. Боже мой!

Какого ждать столпотворенья?

Грядет ли вновь переселенье?

Скажи, Россия, что с тобой?

Голгофа

Зота Тоболкина

Новая повесть Зота Корниловича Тоболкина «Голгофа» – автобиографична. Персонажи повести, имеющие отношение к литературе, к искусству, легко узнаваемые люди. Но это всё же не документальное произведение, потому судить о книге нужно по законам художественной прозы.

Начинается повесть с картин детства, о поре, когда у человека формируется представление о прекрасном и бе-

зобразном. Эти понятия возникают только с опытом и от общения с людьми. Сам писатель о своем детстве говорит: «Я часто окунаюсь мыслями в детство. И когда меня спрашивали в те несчастливые годы: «Кем будешь?» «Пекарем или поваром», – бойко отвечал я. Потому что оба этих ремесла во все времена сыты».

Дети военного и послевоенного поколения хватили лиха, об этом лихолетье написаны сотни книг. Однако, говоря о трагизме той поры, писатель не без юмора пишет о ней, находит в тех событиях «пустяшное», не лишнегого смеха, светлой улыбки...

Привлекает язык прозы Тоболкина, «выуженный» из той же детской поры, из общения с «простым народом». Владимир Даль говорил о народном языке, которым как хорошим инструментом должен владеть писатель: «Не должно писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на Запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего... Если же мы в чуждую обаяния сами отседем себе этот источник, то нас постигнет засуха». Язык «Голгофы» оригинален, народен – в истинном его понимании. Подпитывает труд писателя и природа. Так пишет об этом Зот Тоболкин: «Пусть за меня журчит ручей. Пусть соловушка поёт, звенят звезды, шелестят листья. Я буду лишь внимать им и записывать их великие мысли и звуки...».

Стихи, перемежающие прозу и публицистику, незамысловаты, но они исходят из души, а ум словно и непричастен. Например:

...Суббота. Солнышко. Сияние небес.

Залюбовался ими дивный лес.

Везет же мне! Со мной моя природа.

И здесь покой, и радость, и свобода.

...Ушла, ушла зима!

Отвlastвовала вьюга.

Тепло.

Березы вновь

в бесценных изумрудах

Какое чудо – Жизнь;

Какое чудо!

Поэзия неподвластна мысли, это небесный дар. Ум открывает душе различные предметы, готовит почву для поэзии. Эмоциональное восприятие – причина поэзии, знания – повод к ней.

Соразмерность...

Такая соразмерность чувствуется и в соотношении прозы, публицистики, поэзии и в повести «Голгофа». Трагическое возникает тогда, когда земное и конечное уничтожается в божественном, светлом: трагедия растворяется в радости бытия.

Финал повести трагичен: один из главных персонажей скульптор Клим Нилин застрелен в своей мастерской. Невольно думаешь о том, что либерал-демократы построили бандитское, криминальное государство, в котором властные структуры не только не способны оградить своих граждан от бандитов, но порой и потворствуют им. Умиравший скульптор успевает произнести своим друзьям Мирошину и Ольге: «Горько!»

Писатель чувство скорби соединяет с чувством радости, блаженства, как

• Новые книги

продолжение жизни. В данном эпизоде радость и трагедия идут рядом.

Зот Корнилович Тоболкин, несмотря на свой почтенный возраст (недавно отметил своё семидесятилетие), находится в хорошей творческой форме.

«Святая истина проста...»

В книжной серии «Библиотека газеты «Тюмень литературная» вышла новая книга «Верста». Автор её поэт из поселка Барсове, что под Сургутом, Сергей Абрамов, как и в первом сборнике «Небесные истоки», вышедшем ранее в этой же серии, продолжает религиозную, православную тему. Прекрасное понимается поэтом, как божественные образы лишь в той мере, в какой они являются отражением свыше.

Пришел и мой черёд, заветный час,

Молить: «Помилуй, Боже, пожалей.

Душа моя – погасшая свеча,

Затеplилась по милости Твоей.

Сюда я шел, блуждая по пути,

Из-за болот пришел, издаleка.

Пусть слышится смиренное – прости,

Тут протекает Божия река.

Поэт восстает против бессмысленной коммерциализации общества, где вытесняет жестокость бытия и нет места жалости и состраданию. Пытается найти опору и смысл существования, обрести в стихах те ценности, которые могли бы противостоять бездуховности.

Над нашим горем вновь хохмят иуды,

Хохмят на сценах весь Великий пост.

Иудам всё оплачено «оттуда»,

Чтоб мы со смехом шли

на свой погост...

Личная боль звучит подспудно, здесь боль – Россия. Обличая лицемерие, расчётливую ложь, раболепие перед сильными мира сего, поэт говорит о разладе между идеалами и поступками, намерениями и реальной действительностью. Предощущение близости роковых событий в России, как и природных катаклизмов, уже вызывает колебание почвы, колебание жизненного уклада, а это связано с тем, что в светлом присутствии наличествуют тёмные силы, стремящиеся привести наше Отечество к распаду. О происходящих сегодня событиях, набирающих разрушительную силу, он так с болью восклицает:

Ты жив ещё, русский народ

Православный.

Ты жив, потому что беда за бедой...

Хранит тебя Бог на обломках

Державы

За то, что ты крест отдаёшь

с головой...

От стихов Сергея Абрамова исходит дух гуманизма, добра, мудрости. Они дойдут до читателя, чьё сердце распахнуто для понимания искренних чувств поэта. У него безупречный политический слух на происходящее в мире, отточенная стилистическая форма стиха, свободное устремление к правде.

Станислав Ломакин.

О, СЛОВО РУССКОЕ, РОДНОЕ!

Четвертого октября 2004 года в конференц-зале Международного сообщества писательских союзов прошло событие значимое, долгожданное, яркое и неординарное. Радостное, прежде всего, осознанием того непреложного факта – что русская поэзия нужд и чаяний народных – жива и, несмотря на препоны и гонения, существует, прежде всего, в произведениях поэтов нашей глубинки.

Поэты сильные, крепкие своей связью с землей, что их породила, поэты, преимущественно, хотя не чуждые и прозы, – знаменитые, не обойдённые признанием патриотического круга:

Валерий Шамшурин из Нижнего Новгорода, **Алексей Мишин** из Смоленска и **Николай Денисов** из Тюмени, представили на суд братьев по перу свои новые книги. Каждый своим, только ему присущим голосом, говорил о катастрофе, постигшей нас на историческом пути. Признаться, давно не приходилось слышать такие глубокие, выверенные суждения о поэзии, о судьбах родной земли, о государственности нынешней, ущербной, и о чаяемой всеми нами Державности Будущей! И здесь надо отдать должное ведущему вечера – поэту **Валентину Сорокину**, чей авторитет признанного мастера придал всей встрече академический блеск, но в то же время дружеское, сердечное слово помогало сориентироваться выступающим, чтобы они, в частности, не переключали нить обсуждения на свои заботы и проблемы.

Состав выступающих – выше всех похвал, и пишущему эти заметки приходилось «наступать на горло собственной песне», выбирая наиболее запомнившиеся выступления. «Великой провинцией» – назвал **Станислав Куняев**, пространство, все еще необозримое и ныне будто бы спящее непробудно. Но сон этот мнимый. Пока звучат колоколами пробуждения голоса поэтов. Удивительные факты поведал **Станислав Куняев**. Рассказанный им сюжет о прохождении «Сталинской антологии», еще раз заставил всех нас задуматься о совести в культуре и о «культурном» хамстве верхововодов русскоязычного «течения». «Книжники и фарисеи», что «двести лет вместе» мутят воду в наших духовных источниках, никак не уgomонятся... А, да «Бог не выдаст, свинья не съест!» – так говорят в народе. Главный редактор «Нашего современника» высоко оценил творчество представленных авторов и заверил их, что и впредь плодотворное сотрудничество журнала писателей всей России будет продолжаться!

Ни одного звука не издаёт «демокритика» о тех корневых, почвенных, самодостаточных – поистине плодоносящих поэтах, что живут и творят и в «срединной России», и во «глубине сибирских руд», и творят там вещи первозданные, праведные в лучшем смысле этого слова произведения, помогающие людям глубинной нашей провинции осознать себя как существенную и последнюю силу, способную спасти Отчизну от вымирания физического, от обнищания духовного. И не случайно столько откликов породил роман **Валерия Шамшурина** «Сталинский сокол» – здоровая полемика, что развернулась при обсуждении этого, прямо скажем, безусловно талантливого, романа, буквально «здесь и теперь» дала почувствовать биение пульса страны. И если **Глан Онанян** назвал роман событием в литературной жизни, исторической панорамой большой художественной силы, то **Виталий Гузанов** – писатель, кинодокументалист, прежде всего оценил в романе самого **Чкалова**, имея однако претензии к «ленте характеров» иных героев: «Смотрите кинодокументы тех предвоенных лет, они не лгут, это и есть истина в первой инстанции!», а критик **Леонид Ханбеков** подчеркнул живописное мастерство прозаика, сумевшего во многих сценах романа сохранить ощущение «поэтической прозы» – в лирических и эпических сценах, в диалогах, в лирических отступлениях, не принимая позицию тех, кто попробовал отказать писателю в праве заглянуть в будущее.

Ах, как жаль, что на обсуждении не велась подробная стенограмма! Обеднели мы, но будет восстановлен в стенах МСПС Совет по русской поэзии и прозе, как уже восстанавливаются советы по национальным литературам.

Мудрые слова приветствия чувашского прозаика **Афиногена Кузьмина** внесли в обсуждение струю благоразумия и творческого покоя, того покоя, что дает уверенность писателю в нужности, необходимости свершаемого им дела.

В течение всего обсуждения ведущий **Валентин Сорокин** камертоном задавал высокую ноту, ноту любви к родине, земле нашей многострадальной. Его умение вести литературные вечера такого уровня сверкало всеми гранями художественных навыков и приёмов, так что сфальшивить было невозможно.

Вот блистательная, тщательно продуманная, я бы сказал выстраданная речь поэта, главного редактора «Исторической газеты» **Анатолий Парпары** высветила темные углы антирусского подполья, кто у власти предрержащих ходит в любимцах. Раздача Госпремий «одесситам» и прочим хохмам говорит о многом.

«Мы знаем своих врагов! И у нас есть что защищать от перестройщиков, перестановщиков, передельвателей. Мы с достоинством держим удар, ибо за нами то, чего у них нет, у предателей-переметчиков, любителей золотого тельца. Нет и не будет у них нашей великой истории!»

Чеканные, боевые, сверкающие на солнце, «яко штыки» – слова известного поэта ловились аудиторией на лету: «Я знаю **Алексея Мишина** как подвижника, радетеля, воспевателя своего народа, который не ломается ни в каких переделках. За широту русскую, за незлобность, за стремнистое чувство родной речи, за природный певческий дар я люблю и ценю **Алексея Мишина**, брата моего **Алёшу!**»

Горячо, взволнованно, с каким-то сердечно-огненным трепетом делилась своими мыслями и чувствами о творчестве **Николая Денисова** **Татьяна Баженова**: «Для меня, рядового читателя и в то же время ученого естествоиспытателя – поэзия, прежде всего, – противостояние хаосу. Считается, что поэзия – это стихия, но стихия – это не хаос, это гармония, это та «тайная свобода» поэта, во имя которой он живёт. О **Николае Васильевиче Денисове** я слышала давно, но открыла его для себя через его публикации в «Нашем современнике». Для меня он, прежде всего, протестный поэт, недаром стихи его в виде лозунгов работают на нас на митингах. А его великолепные строки и теперь в строю:

*В новой России, где всё продается, и совесть –
Выход один – Сталинград, и за Волгу ни шагу!*

Этот лозунг до сих пор с 1998 года «ходит» с нами в патриотических колоннах.

И, как бы подхватив тему сопротивления, критик и публицист **Леонид Ханбеков**, издатель «Московского Парнаса», призвал прервать информационную блокаду и доложил присутствующим о планах агентства включить в серию «Созвездие России» очерки о героях «круглого стола», о литераторах глубинной России, которые ждут внимания столицы.

Позвольте автору этих строк выплеснуть свой восторг, свою благодарность за счастье присутствовать на таком светозарном обсуждении: «Благодарю тебя, земля родная, что еще вырастают под Отчим небом поэты истинные, подлинные, поэты большие и объёмные, да такие, что одной рукой духовной у Бреста, а другой – у Курил. Неизбывное чувство Родины, что завещали нам наши учителя, наши пророки и мученики, живёт в стихах поэтов, дорогих моему сердцу. Живет это чувство, мерцает, как звезды в глубоком колодце, или как спелая рожь волнуется под июльским ветром... Спелые поэты, налитые, воистину плоды Божьи. Все они – и горьковчанин **Валерий Шамшурин**, и смоленский витязь **Алексей Мишин**, и сибиряк **Николай Денисов**, все они вместе со всей нашей артелью писателей-бурлаков полнят паруса корабля русской поэзии!»

Сергей Коротков, поэт, член СП России,
слушатель Высших литературных курсов.

(Статья опубликована в альманахе «Московский Парнас», № 1 2005 г.)

«Нам бы петь — ликовать на воле...»

Представляем нашему читателю стихотворения замечательного поэта из Екатеринбурга, нашей современницы Любови Ладейщиковой. Автор прислала нам свою книгу «Бездна», в аннотации к которой сказано: «Бездна» вобрала в себя произведения, написанные на стыке эпох и тысячелетий, отразив «лавину» глобальных катастроф и духовных потрясений конца XX — начала XXI вв.

Вступительную статью — «Высочайшая глубина» — написал известный московский критик и литературовед Леонид Ханбеков, справедливо назвав поэта Любовь Ладейщикова «поэтом истинным», узнаваемым по «особому колыбельному настрою» и «державной женственности». Николай Денисов.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Россия! Встань и возвышайся!
А.С. Пушкин

На Пушкина, как на Россию,
На рубеже крутых времён
Смотрю сквозь пошлости засилья
И девальвацию имён.

Пришлось узнать свободы цену,
Но как сберечь венец и нимб?
И начинается подмена,
И подлость летит на Олимп.

Повсюду торг, обман, интриги.
Очнись, Россия, хоть на миг!
Поэт не памятник, а книги —
Величья русского воздвиг.

Читаем? Чтим. Но мало, мало!
Зараза века — клип и хит,
Как поколение вандалов
В два счёта их заполонит.

Мой голос — лишь предупрежденье.
Где взять державность, доблесть, честь,
Когда прекрасные творенья
Вдруг станут некому прочесть?..

Певец! С Россией не прощайся!
Пусть новые клеветники
Услышат:
«Встань и возвышайся!»
Советам чуждым вопреки.

Пусть слово набирает силу,
Идя к святому алтарю...
На Пушкина, как на Россию,
С надеждой праведной смотрю...
1999

ЛИХО

Лихо над Родиной... Лихо.
Есть кто живой?... Не слышать.
Полюшко стелется тихо,
Птицы боятся взлетать.

Жутко... Ни звука, ни взгляда,
Ни удалого лица.
Лишь расплозаются гады
Из рокового яйца.
2002

ТРУДЫ

Как путь из варягов в греки,
Надсадно — громадны труды:
...Один покоряет реки —
Другой вырубает сады.

Кругом хулиганы и урки,
Но стих мой еще не затих.
Один бросает окурки —
Другой подбирает их.

Небес голубая клеёнка
Еще не померкла, хотя
Один рождает ребёнка —
Другой убивает, шутя.

О, Господи!.. Гадости сколько,
Дерьма и обмана вокруг!
...Но я собираю осколки,
Чтоб вы не поранили рук.
1992

РЕЦЕНЗИЯ

И нет в творении — Творца.
Ф.И. Тютчев

Нет ни одной живой строки.
О чем? Зачем? Одно лишь ясно:
Стихи придумано — легки
И приблизительно — прекрасны.
Без племени и пола без.
Зато нетленно — безопасны,
Как пустоты культурный срез —
И приблизительно — прекрасны.

Во глубине уральских недр
Источник истин несогласных.
Не выдавайте за шедевр
Снов приблизительно-прекрасных.
Роются столько челухи
В речах поверхность атласных!
...Не принимайте за стихи
Слов приблизительно — прекрасных.
1994

СНЕГ

Мне страшно жить —
Я знаю наперёд,
Что будет в полдень, в полночь,
Через год,
Мне больно жить,
Предвидя, что умрёт,
Тот, кто войдёт в мой дом
Для поцелуя...
О, Господи!
Сколько лучше бы не знать —
Что близок час — ворота открывать,
И очи закрывать — и целовать —
Высокий снег.
Когда навек уйду я...
1991

ВУЛКАНЫ

Ю.К.

Сердца слепы от выкриков, от слез.
Рожденные от сумерек сознания,
Слова скорей похожи на вопрос,
Чем на венец духовного сгорания.

Но звук взрывоопасный матерьял,
Молекула молниеносной речи,
Для пламени страстей ничтожно мал
Земной котёл и жар вселенской печи.

Но если говорят вулкана два,
Им азбука безумия знакома,
И суждено излечь любви слова
Из междометий горечи и грома.
1999

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ РОССИИ

Обрушилась звездная крыша,
Нет дома — тряпье да щебенка...
Но женщина будущим дышит,
К груди прижимает ребёнка.

— Спи, дитячко, стихнут раздоры,
Вернём тебе крепость и славу!
И лунное облако шторы,
Как мать, пеленает Державу.

Россия! Росиночка! Дочка!
Тебя я ласкаю, лелею,
Давно нет вестей от сыночка.
Так дай, хоть тебя пожалею!

Чтоб гнёзда любви не нарушить,
И корни фамильного древа,
Возьми моё сердце и душу,
Тепло материнского чрева!

Еще опереться не поздно
На вечности хруст под ногами,
Чтоб снова счастливые звёзды
Взошли над твоими снегами.

Державушка! Дни и недели
Хранят тебя добрые руки,
Стоят у твоей колыбели
И деды, и дети, и внуки...

И шепчут печально и строго
Холодные звёзды босые
Над каждым разбитым порогом:
— Росиночка... дочка... Россия...
2000

ЗЕМЛЯНЕ

Оглянитесь вокруг, земляне, —
Небо общее и вода
У цветов на одной поляне,
У птенцов одного гнезда.

Нам бы петь — ликовать на воле,
Не калить ни ножей, ни стрел,
Но ржавеет ржанов поле,
Ствол берёзовый почернел...

И душа от стыда сгорает,
Что дичает и мой народ:
Ближний — ближнего разоряет,
Русский — русского предаёт.

Отвергает мои объятья
Мир, увязший в кровавом зле,
А так хочется крикнуть: «Братья!» —
Всем и каждому на земле.
1998
г. Екатеринбург

СОХРАНИТЬСЯ!

...Немецкие фашисты за 12 лет (1933–1945) уничтожили 6 млн. евреев. Зондеркоманда российских реформаторов за те же 12 лет (1992–2004) уничтожила 9 млн. русских, чем добилась сопоставимой славы с главарями третьего рейха!

Помните, как демократы первой пенной (мусорной) волны густо сквернословили на темы «общечеловеческих ценностей»? Вот 9 млн. Русской Катастрофы – это и есть их «общечеловеческие ценности!» Заметили, как «общечеловеки» нам сочувствуют?!

Помните, как в преддверии расстрела Верховного Совета в октябре 1993 года некие (бывшие советские писатели – «ТЛ») Адамович, Ахмадулина, Бакланов Гр. Як. (наст. – Фридман), Гранин, Дементьев, Карякин, Лихачев (академик – «ТЛ»), Нуйкин, блаженный Приставкин, Разгон, блаженной Черниченко (выборка по списку подписантов) – изошлись воплем: «Раздавите гадину!», помните?! Вот, раздавили – уже 9 млн. (счет далеко не закончен)!

Можно по факту констатировать: в «новой демократической Великой России» поставлен смелый эксперимент. Начиная с 1992 года здесь проходят успешные натурные испытания по стремительному сживанию со свету русского народа. «Если вы хотите реализовать Великую Рыночную Утопию – выберите народ, который не жалко!» «Платиновый миллион», тот, что возвышается над «золотым миллиардом», нашел в лице нашей «элиты» истовых исполнителей своей воли.

Полюбуйтесь, как раскрылся Зурабов! В преддверии думских выборов (декабрь 2003) социальный министр умывался горючими слезами, что неразумный электорат не ринулся размещать свои пенсионные «накопления» в негосударственных пенсионных фондах. А немедленно после президентских выборов (март 2004) дал пинка всем, кто родился до 1967 года.

С отменой льгот вообще «песня» (как любит изгаляться Шендерович, правда, по другому поводу)! «Дорогие, любимые пенсионеры! Получите грошовые «компенсации» вместо полновесных льгот, и ни в чем себе не отказывайте!»

Важнейшая подробность профессиональной оснастки Зурабова – это дар блефа. Выкинуть практически всех из пенсионной реформы, отменить льготы и с ясными немигающими глазами тараторить как это здорово!

Или вот еще картинка: разъяренная Матвиенко требует найти убийц 9-летней таджикской цыганки. А нам и искать не надо ответственных за Русское Вымирание!!! Не так ли, Валентина Ивановна?

Каждый Божий день не рождается 2500 русских детей, которые фактом своего рождения всего лишь, хотя бы, сохраняли бы численность русского народа. За 13 ударных лет (1992–2004) уже не родилось более 9 млн. русских детей! Это преступление без срока давности!!! Валентина Ивановна, г-жа Матвиенко, попробуйте представить 9 млн. русских детей, убитых великими реформами! Вам не тоскливо и не тошно? Тогда вы по самое nowhere восприняли идеи демократии!

А как забыть экспромт министра обороны по фамилии Иванов(!). Г-н министр сообщил стране, что руководство России считает возможным и полезным (при соответствующей резолюции ООН, ну, разумеется) добавить в иракскую мясорубку русского пушечного мяса! Соответствующую резолюцию ООН поспособствует составить (тогдашний) министр иностранных дел (и опять) по фамилии Иванов!

За 13 ударных лет (1992–2004) великих реформ вымерли уже более 9 млн. русских. Уже 4383 (четыре тысячи триста восемьдесят три) дня подряд (плюс дни 2005 года) изо дня в день, каждый Божий день, русских вымирает от 2000 до 2500 (официальная сводка Госкомстата).

В этих обстоятельствах выводок «антирусских антифашистов» и «антирусских антипатриотов» безнаказанно и с наслаждением плюётся в русских народ, гадит на него. Вот мы и дождались благодарности за то, что русские солдаты, основа победоносной Красной Армии, не позволили Гитлеру решить «еврейский вопрос» окончательно!

Автора ошарашивает олимпийское спокойствие, загадочное гробовое молчание РУССКОЙ Православной Церкви. Четырнадцатый год подряд, изо дня в день над Россией обязан раздаваться неумолчный поминальный колокольный звон всех храмов и монастырей.

Ежедневная потеря 2000–2500 русских душ – более чем основательный повод для ежедневных отправок соответствующих церковных служб.

Каким образом РУССКОЙ Православной Церкви удается четырнадцатый год подряд словно бы не разглядеть поглотительной бездны Русской Катастрофы – загадка сия велика есть. Почему не выскажется Патриарх Алексий II? Неужели предстоятель РПЦ смирился с тем, что срок его патриаршего служения совпал с Русским Исчезновением?

Между тем, Патриарх Алексий II принял в своей резиденции г-на Вексельберга и поблагодарил его за то, что г-н Вексельберг приобрел в личную собственность яйца Фаберже. (Отчего бы не поблагодарить Абрамовича за покупку «Чесли»? В чем разница? Чем Рома хуже?)

Никоим образом не вмешиваясь в таинство исповеди, следует с огорчением констатировать: душеспасительные беседы Президента Путина и его духовника о.Тихона не имеют благотворных последствий для пресечения Русской Катастрофы.

РУССКОЙ Православной Церкви все равно придется размокнуть уста. Вот только когда? Когда сводки Госкомстата сообщат, что в России вымерли 10 млн. русских (это вот-вот)? 15 млн. русских?, 20 млн. русских? (есть основания для предположения, что 20 млн. русских **УЖЕ ВЫМЕРЛИ!**) Когда?!

Высказаться все равно придется! РУССКАЯ Православная Церковь обречена быть единой с русским народом. Ныне, и присно, и во веки веков! В противном случае, это получается какая-то другая церковь, не русская!

...Президент Путин одно время подначивал своё окружение предложением сформулировать национальную идею. Что-то из этого ничего не выгорело. Автор не знает, как может формулироваться «россиянская» национальная идея. Но русская национальная идея формулируется сегодня в одном-единственном слове – «Сохраниться!» Мы обязаны сохраниться!

Русская национальная идея: «Сохраниться!» Именем ушедших поколений – мы не имеем права «праздновать труса!» Нас все равно сживают со свету! Чего бояться-то?!

Пепел 9 млн. русских должен стучать в каждое русское сердце! Этого русского пепла всё прибывает!

Не спрашивай: по кому тикает ПИТЕРСКИЙ МЕТРОНОМ, он тикает по тебе...

Андрей Пшеницын,
Ижевск.

(Из статьи «Питерский метроном». Газета «Завтра», № 9, 2005 г.)

Послесловие «Тюмени литературной». «Никто не даст нам избавления...» – ни Греф, ни Кудрин, ни Чубайс. Это уж точно. И русский народ каждодневно должен помнить об этом. И не только помнить!.. За своё право ЖИТЬ нас вынуждают массово выходить на улицы с протестом против продолжающегося геноцида. Что будет, если выйдут не тысяча-две-три ограбленных реформами советских стариков, а миллионные массы? (К тому и толкают, провоцируют «простой народ» организаторы бунта олигархи-вексельберги, министры-капиталисты и думские медведи-райковы-слизки-морозовы). Да тогда вся зарабавщина завопит о пощаде! Что касается «Русской Православной Церкви», о странной позиции которой с горечью говорит автор статьи, то никаких «странностей» давно нет. Яд талмудизма, проникший в годы перестройки и реформ во все сферы современного общества, не обошел и сферу церковную. Как писал в своём дневнике, ныне канонизированный церковью, Николай Второй: «Кругом трусость и измена!» Современные батюшки с одинаковой лежкостью освящают как вновь построенную часовенку, так и офисы и шестисотые «мерседесы» братков...

Массово восстанавливаются порушенные храмы. Похвально! Только – с течением лет – кто будет молиться в храмах этих, колы православные в России уничтожаются по миллиону в год?! И «крематорий» этот дымится круглосуточно – изо дня в день... И – терпим.

Не хочется уже и восклицать горько: а что же вы, потомки славных вождей и героев – Александра Невского, Минина и Пожарского, Михаила Кутузова, Георгия Жукова?!

Злобное наступление

КУТЕРЬМА ВОКРУГ ПУШКИНА

Ретиво возглавило это антинравственное наступление центральное телевидение страны. В шумных и нелепых шоу, в подражательных кинофильмах-боевиках, смакующих сексуальные сцены на фоне бесконечной стрельбы, убийств и крови, в пространных рассуждениях самозванных писателей и деятелей культуры, ставятся под сомнение, чернятся вековые традиции быта, семейных отношений, народное творчество. Походя, насмешливо «бросают камни» во всемирно признанную классику Чехова, Толстого, Гоголя, Пушкина. Осмеиваются русские былины и сказки. Даже до колыбельных добрались: не нужны, мол, они и – не спорьте!

Иезуитски улыбаясь, к этой недостойной кампании присоединился М. Швыдкой, будучи министром культуры России. Какой парадокс! Хотя во все времена: и при царских дворах, и при Советской власти, а при нынешней и подавно, когда жизнь приобрела подобие махновского гуляй-поля, – всегда были при службе люди, сеющие исподволь неверие и вражду.

Передача М. Швыдкова «Культурная революция» на центральном телевидении по существу является контрреволюцией в российской культуре. Идет кутерьма вокруг вековых культурных ценностей. Коснулась она и Александра Сергеевича Пушкина.

Критик и литературовед Б. Томашевский: «Пора вдвинуть Пушкина в исторический процесс и изучать его, как и всякого рядового деятеля культуры». А. Николаенко солидарен с этим беззастенчиво-одиозным призывом «вдвинуть Пушкина»: «А чтобы это было так, надо избавить эту науку, – читайте: пушкинистику – от всех ненужных наслоений и мифов, подобных тем, что созданы пушкиноведением о Пушкине, его образцовой жене, о няне, воспитавшей его, о дружбе с Гоголем и т.п.»

Как видим, указанные авторы предлагают оставить Пушкина, образно говоря, одного в поле, без друзей и семьи, чтобы можно было, кому не лень, потешиться, поизгаляться над великим поэтом вволю. Но Пушкин никогда не останется один, как бы ни хотелось этого недругам его. Он вечно в окружении, он всегда почитаем и любим всеми истинными россиянами. Но речь сейчас, простите, не об этом.

Да, мифов о Пушкине много. В шалом усердии отличиться, найти какую-то новую деталь в жизни великого поэта, иные пушкиноведы доходят до абсурда, приписывая, например, его жене

Наталье Николаевне такие таланты, о которых она и мечтать не могла.

Представим себе такую реальную картину из советского прошлого. Три, цветущего возраста пушкиноведа, спорят: по какой из трех тропинок няня Арина Родионовна подошла с букетиком цветов к Пушкину, созерцающему с высокой летней поляны окрестности Михайловского.

Первый ученый муж: «Пушкин любил васильки, и няня, конечно же, пошла полевой тропкой, чтобы собрать во ржи славный букетик».

Второй: «Не согласен, дорогой коллега. Александр Сергеевич предпочитал василькам ромашки. Я исследовал там все окрестности и, представьте себе, нашел вблизи той поляны, где сидел наш гений, блестящую желтую россыпь его любимых цветов. К ним от усадьбы ведет средняя тропка. Вот по ней и пошла няня...».

Третий: «Ну, товарищи, нельзя же так опрометчиво судить. Я изучил гору архивных документов. Опросил всех старцев и старушек в соседних деревнях. И мне повезло. Дед Карпов Вонифатий Серапионович поведал, что его отец, Серапион, видел мальчишкой, как Пушкин собирал лесные цветы. Видимо, для очередной приезжей красавицы... Няня могла идти только лесной тропочкой...».

Треть жизни каждого из этих пушкиноведов ушла на спор о тропинке. В итоге об этом у них родилась, увидела свет солидная, в богатом переплете, книга «Три тропинки к Пушкину». Я здесь чуть-чуть утрирую. Но истории о Пушкине в мифах бывает, как выражаются ныне, гораздо круче и поскандальней.

В Москве пушкинистов пруд пруди. И чего только они не выдумывают! Говорят, что во время войны хотели сформировать пушкинскую роту. Уже в наши дни обратились к мэру столицы Лужкову с просьбой, чтобы для них открыли персональное кафе «Пушкин и мы».

Прочитав эссею Дружников «Дуэль с пушкинистами», я задумался: что же меня не устраивает, тревожит в этой книге? Вскоре понял причину своего беспокойства. И обращаюсь к автору: книга Ваша, господин Дружников, заслуживает внимания, а титанический исследовательский труд уважения. Но, разоблачая мифы пушкинистов, Вы, не замечая того, сами творите пошлости. К чему эти измерения фигуры и одежды Пушкина в сантиметрах и миллиметрах? К чему цитирование писем безграмотной няни? К чему раздувание ничтожных светских сплетен? Зачем Вы вводите поэта в политические дебри,

отвергаемые им? Все это вызывает у массового читателя ухмылку, нездоровый интерес и Бог знает что. Все это размывает великую личность поэта. Где его высокие страдания, светлые мятежные порывы? Где его изумительные творческие поиски и бденье? Их нет.

... Возвращаюсь к колыбельным. Без этих песен Арины Родионовны не было бы сказок Пушкина. Что человек получил для души в младенчестве, в детстве, то и привнесет он в свою взрослую жизнь, развивая и совершенствуя полученное.

В защиту колыбельных песен есть у меня такие строки:

... А в Москве скрипучи бесы,
Как в болоте сухостой:
«Не нужны нам сказки-песни!
Дайте шоу с наготой!
Колыбельные бы надо
Позабыть давным-давно.
Пусть гремит в ночах эстрада!
Пусть хохочет казино!».
Говорю бесовской силе:
Усмирите вашу прыть.
С колыбельными Россия
Будет вечно в мире жить!

ПРОПОВЕДНИК ШОУ

Обратимся снова к Швыдкому, к редактору громозвучных эстрад, к почитателю блудливых казино. Немало неприятностей принес Швыдкой ближним и дальним честным людям. Вспомним минувшую международную книжную ярмарку во Франкфурт-на-Майне, посвященную России.

Немецкая общественность – в первую очередь писатели, художники, библиотекари, книголюбы – хорошо знают как богата и сильна российская провинция талантами, какие замечательные художественные произведения родились именно там в эти последние, тяжкие для России, годы. И замысел немецкой общественности был в том, чтобы широко показать на выставке книги авторов из глубинных провинций России. Даже к нам в Ханты-Мансийск приезжала делегация от организаторов выставки за книгами местных писателей. Я, например, вручил им свой, красочно и своеобразно оформленный известным хантыйским художником Геннадием Райшевым, поэтичным однотономик «Исповедь язычника». Они восхищались подарочным оформлением книги. Свои новые произведения вручили гостям для выставки хантыйские писатели Е. Айпин и М. Волдина. Но, как выяснилось впоследствии, именно книги из провинций нашей страны по злому умыслу не были представлены на международной книжной выставке. И вина в этом – Швыдкого и его компании как главных распорядителей выставки с

антикультуры

российской стороны. Павильоны были отданы книгам столичных авторов-детективщиков. Посетители-немцы с недоумением смотрели на книги, оформленные в стиле разбойничьих сказок и пиратских сражений. Такого неприглядного книжного товара у них самих навалом. Захотели чем удивить! Немецкие газеты были единодушны в критике русской выставки. Наши газеты были язвительней. И на том спасибо. «Литературная Россия» писала: «... всех посетителей поразила претенциозность, серость и скучная однообразность книг, представленных в экспозициях...».

И наши писатели, как сообщают далее российские газеты, чтобы привлечь к себе внимание (надеялись на выгодные договоры с иностранными издательствами), чудили как могли. Ерофеев, например, читал свои вирши, густо замешанные на махровом мате; Евтушенко вырядился в красные, как флаг СССР, штаны и т.д. Крепко опрофанились столичные авторы, на которых сделал ставку Швыдкой. То же случилось в целом и с российской выставкой. Словом, российская сторона продемонстрировала Западу бескультурие, свое убожество и немощь в книжном деле.

Швыдкой с притворным огорчением разводил руками: мол, что есть в России, то и показали. На вопрос – почему не показали свою классику? – выразил недоумение: «Помилуйте, сколько можно ее показывать! Нужна новь, сегодняшней день!». Как видим – лукавство в натуре Швыдкого. И что ни говорил бы, что ни делал бы этот человек, – он всюду сеет недоверие и своекорыстие.

Припомним и развлекательные шоу-концерты, крестным отцом которых стал М. Швыдкой. Что неприглядного, даже абсурдного в этих шоу? Исполняется, например, русская народная песня. Но... слов мы не слышим. Их заглушает грохот какой-то музыки, если можно назвать это музыкой. Артистки в сарафанах, вроде, поют: шевелятся губы, качаются станы, видно движение ног. А за этими исполнителями фон – полуобнаженные девицы делают утреннюю зарядку. Весь комплекс таких нелепостей именуется шоу. Таким образом, сама песня как художественное произведение – обаяние народных слов, интонаций, их задушевность, исповедальность, трогательный юмор, – все это заглушается, отбрасывается, заменяется физкультурным, акробатическим, сексуальным рядом.

Теперь – о главном в этой перестройке в культуре: шоу – денежное дело (пришло-то с Запада!), хорошо оплачивается. Вот где, как говорится в народе, лежит камень золотой! Первыми,

как всегда, услышали шелест прибыльных денег москвичи, в данном случае – дельцы от культуры. И полетели их гонцы в денежные края России, в том числе в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. И сразу там появились в обиходе шибко денежные концертно-театральные программы, кинофестивали, телевизионные ток-шоу и так далее. В Ханты-Мансийске, к примеру, так размахнулись, что на празднование Дня округа в 2004 году пригласили для участия в концерте фольклорный танцевальный коллектив «Огни Анталии» из Турции. Спрашивается – зачем?! Ведь у нас есть свои прекрасные фольклорные коллективы! Но культурой теперь стала править денежная выгода. Беря все дурное у Запада и США, Москва наносит российской культуре урон за уроном.

В РОЛИ ПЕЧЕНЕГА

Н. Сванидзе из той же категории граждан, как и М. Швыдкой. Представлять Сванидзе не нужно: он почти каждый день появляется на каналах центрального телевидения. Он известен. Если на бумаге перечислить все его профессиональные звания и титулы, то эту бумагу можно протянуть как шнур до Израйля, а потом до Вашингтона. Ловкий, напористый, предприимчивый, он неутомим в своих антикультурных и антиисторических действиях против России. Делает это хитро, наскоками, как печенег. Сотворит и спрячется, выжидая, – а что будет?

Сванидзе быстро угадал, почувствовал, по своему оценил многоликую сущность Швыдкого. Не зря говорят: рыбак рыбака видит издалека. Они и есть рыбаки в некотором смысле: в мутной воде российской действительности ловят золотую рыбку. Что это за промысел – видно будет ниже.

Сейчас Сванидзе ударился в кино. Здесь – необъятное поле для его деятельности. Нужно разоблачать и разоблачать посредством документального и художественного кино всех видных в свое время деятелей Советской России. Нужно сделать их посмешищем в глазах народа, убить последнюю веру в них, как, например, в Ленина и Сталина. Когда человек живет с помутненным сознанием, в растерянности, не видит про света впереди, – это уже живой труп.

Безоглядно черня Советскую власть, в своей неостановимой злобе к ней Сванидзе забыл, в какой позорной нищете и разоре находилась Россия при Николае Втором, да и при других царях не лучше.

Занимаясь историческим прошлым Советской России, Сванидзе не упускает из поля зрения сегодняшний день.

Каждая новая личность, сверкнувшая ярким знанием или открытием в науке и культуре, сразу берется им на учет.

Все идет пока гладко у нашего героя. Но его часто произносимая фраза: «А это не повредит нашей демократии?» –стораживает собеседников. Чеканит он эту фразу-пароль слишком серьезно, даже угрюмо, глядя обычно в пол или в дальний угол. При этой фразе можно сделать определенный вывод: Сванидзе – фигура подневольная. Он зависит от некоей могучей силы, имеющей повелительную власть и сейфы с долларами. Эта сила приказала: «Служи!», и он служит.

«ДЕМОКРАТИЯ» — ЭТО...

Энное число людей знает, что никакой «демократии» в мире, тем более в России, не существует как таковой. Знает, что от наивной греческой демократии в свое время остался только милый сиреневый дымок. Но сильные мира сего из США превратили этот дымок в ядовитую тучу из дыма, копоти, лжи, вранья, – из всего недостойного, что есть в человеческом обществе. Даже само слово «демократия» таит в себе бациллы зла и насилия. При слове «демократия», например, рядовой россиянин нынче вздрагивает: столько он потерпел зла от известных проповедников его, как Ельцин и Горбачев. Он готов голодать, ходить босиком, лишь бы при нем не произносили злое слово.

Возьмем другой факт. Жили-поживали в Африке у озера Чад племена. Не знали воровства, СПИДА. Ловили рыбу, собирали фрукты, растили детей, пели песни. Но как только появилось слово «демократия» – сразу начались болезни, насилие и т.д. И племена выродились в нравственном отношении.

Да, политики часто кидают слово «демократия» с трибун, или походя друг другу. На то они и политики. Они обязаны, как и Сванидзе в данном случае, произносить коварное слово, хотя не знают конкретно, в чем суть «демократии». Я тоже не знаю. Но чувствую: «демократия» – это изощренное зло, прикрытое вульгарной позолоченной вуалью.

Особенно любят похвалиться «демократией» президенты и сенаторы США. Какими только благостными эпитетами (конечно же, фальшивыми) не осыпают они свое понятие «демократии!» Именно – свое! Некогда американский миллиардер Хант честно ответил за всех своих пребогатых коллег на вопрос корреспондента газеты «Вашингтон пост»:

– Скажите, господин Хант, что такое демократия?

– Это... когда мне хорошо.

Спасибо, господин Хант. Именно по этому принципу, – чтобы нам было хо-

рошо – и строят свою разбойничью политику правители вашей страны. Не счесть – сколько они совершили государственных переворотов в странах Латинской Америки, в Африке, в Азии ради своей «демократии», усаживая на троны послушных себе диктаторов-злодеев.

Ныне правящая верхушка США возлюбила цветочные гаммы во внешних государственных делах. Всем, совершенным в последние годы, так называемым революциям в далеких странах, к которым она приложила свою костлявую руку, эта верхушка дала цветочные названия: банановая, лимонная, оранжевая, бархатная... Ей была по душе и пьяная революция Ельцина. Президент гуляет, падает во все встречные водоемы, а Россия разваливается, разворачивается. Браво! Виват!..

Чем бы дядя Сэм в облике США не тешился, а мечта у него одна – мировое господство. Такова «демократия» по-американски.

Теперь послушаем мнение о «демократии» двух гениев – Пушкина и Байрона. Наш поэт писал: «С удивлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую, – подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)...».

Слово Джорджу Гордону Байрону: «Трудно сказать какая форма правления хуже, до того все плохи. А демократическая хуже всех, ибо, что такое демократия (на деле) как не аристократия негодяев?..»

ПРОТЕСТ РАДИ КОМФОРТА

Путники ведают: на костер в ночи всегда устремляется всякая летучая живность. Костер Сванидзе – это деньги, связи, положение в обществе, и к нему также слетаются всякие деловые люди.

С писателем, с диссидентом 60-х годов В. Аксеновым, живущим ныне в США, Сванидзе соединила, как сказал поэт «одна, но пламенная страсть» – это, мягко говоря, неприятие русского народа и России. Соединила единомышленников, братьев по духу трилогия Аксенова «Московская сага», благодаря усилиям обоих и родился многосерийный телевизионный фильм того же названия. Фильм, объективно говоря, получился более удачным, чем романы, чем обязан талантливой игре актеров. Но речь пойдет о трилогии. Чтобы сразу открылась заданность эпического произведения, привожу редакционное вступительное резюме: «Поколение зимы», «Война и тюрьма», «Тюрьма и мир» – эти романы составляют трилогию Василия Аксенова «Московская

сага». Их действие охватывает едва ли не самые тревожные в нашей истории годы: с начала 20-х до начала 50-х – борьба с троцкизмом, коллективизация, лагеря, война с фашизмом, послевоенные репрессии.

Вместе со страной семья Градовых, три поколения российских интеллигентов, проходят все круги этого «ада» сталинской эпохи.

Признаюсь откровенно: читать эти романы (хотя есть некоторые художественные страницы) невозможно – столько в них сквозит ненависти к социалистическому строю! к России! к ее многострадальному воинству! столько в них грязи! И каков бы ни был Сталин, с его именем на устах умирали солдаты. С его именем победили фашизм. Будь в ту пору генсеком Троцкий, за которого исподволь радуют Сванидзе и Аксенов, участь страны была бы до того печальной, что лучше и не предсказывать.

Что же получается по Аксенову? Оказывается, немцы не взяли Москву только потому, что их танкам мешали бесконечные толпы наших военнопленных, которые заволокли, запрудили все подмосковные дороги и тропы. Позвольте спросить Вас, гражданин Аксенов: Вы о панфиловцах что-нибудь слышали? Они стояли насмерть и не пропустили на своем направлении немецкие танки к Москве. Вы слышали о сибирских дивизиях, распушивших фашистские армии с их новейшей техникой под Москвой?..

Не надо, гражданин Аксенов, давать постоянную волю своим мелочным обидам, порождающим вихревые эмоции, которые заглушают голос разума. Что же Вы не едете возрождать, разваленную вашими «демократами», Россию? Да, не Вы ее разрушали. Но призывали же: пусть развалится эта чудовищная держава! Пусть в аду сгорит коммунистическая тирания! Взывали до хрипоты, до помрачения «демократию» и свободу. Что же принесла (на деле) эта «демократия» народам России? Повсеместный разгул бандитизма, коррупции, наркомании, проституции и ... работорговлю, даже младенцами! Но и это еще не все. За время короткого «демократического» правления в стране погибло столько миллионов людей, которые Сталину и Берии, грубо говоря, не снились. Вы слышите, гражданин Аксенов? Число жертв продолжает расти каждый день. И если Вы – как писатель – будете говорить об этом, таким образом невольно разоблачая «демократию», то Ваша жизнь в США действительно превратится в ад. Такова настоящая, а не придуманная, сотканная из разноцветных измышлений и болезненных чувствований, действительность. Таковы превратности вашей «демократии».

Ваше имя, гражданин Аксенов, связано с движением так называемых шестидесятников. Сергей Баймухаметов в статье «Почему богатые не любят шестидесятников («Литературная газета» за 16–22 октября 2002 года) говорит, что у вас, т.е. шестидесятников, были идеалы. Я не согласен с уважаемым автором. Как показалось время и события, именно идеалов-то у вас и не было. Зато было много шумихи вокруг вашей группы теми газетами, у которых рыльце всегда в пушку. Усиленно рекламировали себя вы сами. Вам нужно было славы, общемирового внимания и... личного комфорта. Последнее скрывали, выдавали себя за мучеников. Все свои деяния вы непременно связывали с так называемой «демократией». О народе, о судьбе России вы не думали. Но, повторяюсь, – где косвенно, где прямо к свержению власти призывали. И потому некоторые из вас, жертвенники, что ли, попали под меч власти. На то она и власть, даже самая ничтожная, чтобы себя защищать. вспомните в этом плане подвиги своих «демократов» Ельцина и Горбачева?

Когда страсти в стране накалились, самые верховные и дальновидные из шестидесятников, и Вы в том числе, гражданин Аксенов, смылись на Запад, а то, не дай бог, при политической заварухе, запачкают ваши белые пиджаки.

Теперь лично Вы, гражданин Аксенов, живете в желанном комфорте. Больше Вам ничего не нужно.

Вы, шестидесятники, имею в виду Беллу Ахмадулину, Андрея Вознесенского, Андрея Битова и других, имели от Союза писателей СССР благоустроенные квартиры, дачи, чего не имели мы, писатели, живущие в провинции. Вы больше всех печатались в советских журналах, издавали свои книги, чаще других ездили за границу. К примеру, за Андреем Вознесенским числится около сорока зарубежных поездок за казенный счет. Нам, провинциалам, обычно отказывали в поездках даже в социалистические страны: мол, нет денег. Откуда же будут деньги, если тот же Е. Евтушенко объездил весь мир за счет Союза писателей СССР? Благодарность за все эти блага известна: «Россия – самая нищая страна, Союз писателей самый ничтожный». Стыдно, стыдно за вас, граждане шестидесятники! Вот почему сегодня в России не любят вас ни богатые, ни бедные.

А Россия живет, умывается кровью и слезами, но борется и верит в свое грядущее величие.

Андрей Тарханов,
мансийский поэт,
член Союза писателей России.

ШВОНДЕРЫ И ШАРИКОВЫ в одном флаконе

• Продолжая тему

ПОДМЕНА – 2

Грубая ложь, играя в правду, никогда конфузливо не оглядывается и не снижает голос ради приличия.

Юрий Бондарев

...А тут сижу и смотрю тель-авизор. Боже мой, какое выдающееся событие: русские в Париже! Не бородатые казаки на дончаках и с вострокрылыми пиками, как при европейском походе М.И. Кутузова – государя Александра Благословенного в 1812–1814 годах. Иные. На этот раз сводный и сплоченный отряд в тридцать девять литературных штыков взялся от имени России покорять столицу мира. Какие витязи! Имена-фамилии, таланты! Дух от гордости за российскую страну захватывает. Гиршович, Бунимович, Эпель, Рубинштейн, Юзефович... А ведущий передачи (конечно, Швыдкой!) продолжает называть: Болмонт, Вознесенский (без него ни-ни), Кушнер, Харитонов Марк... Маркиш Давид! (Последний аж с Ближнего Востока приехал представлять Россию на книжной выставке. Есть из Штатов, из Италии). Тридцать шесть штыков из тридцати девяти – исключительно русские. Замечательно. Но где Шендерович? Нет Шендеровича. Ужас. Нет Шендеровича? А примешались к славной компании классиков какие-то трое с непозволительными фамилиями (русскоязычные, считай) Поляков Юрий, Есин Сергей и Григорьева Лидия. Последняя – женщина. Женщин бы вообще не следовало... Это как на корабле – баба в экипаже: знак беды! Неувязка и случилась. В Париже – Поляков? Ему бы бдиль свою «Литературную газету», редактировать, как положено, сочинять свои повести типа «ЧП районного масштаба», а он по заграничке шатается. А Есин? У него что, у ректора моего родного Литинститута, свободного времени полные короба? За учебным процессом будущих юзефовичей-гиршовичей следил бы лучше, расстил бы и пестовал... А Лидия? Григорьева? Лирик же. А там такие пацаны понаехали. Чисто конкретно. Вот этаким кудрявым с глазами масляными, знойным ликом. И говорит знойно: «Я вряд ли свои книги впарю! (на выставке. – ред.)... но есть возможность увидеться с дру-

зьями за государственный счет... Много в России писателей. Но мне, например, очень радостно, что в этом составе нет креатур «Литературной газеты». А потому что ехать с их людьми было бы неприятно. Из соображений чисто человеческих, гигиенических...»

Так обращаюсь к читателям-патриотам-демократам, партократам тож!), а вы сомневались в нынешней российской свободе! Она аж «на гигиеническом уровне», свобода, обретена!..

Принесли газеты. Ищу и в них про парижскую книжную выставку. Критик В. Бондаренко в «Дне литературы» выступает с непозволительными нападками на участников, называет их книги «литературной помойкой», цитирует: «То, что называется жопой / Капелька крови на краю унитаза! Голос из соседнего пространства и мгновенная / Смерть...». Это, сообщает московский критик, Д. Пригов написал, участник. Подумаете, удивил! Да Пригов из тель-авизора вместе с В.Ерофеевым не вылезает. Бондаренко цитирует и Ерофеева, но я не решаюсь. Действительно, уж как-то того, по-пахивает... Выбираю из цитат то, что несколько удобоваримей:

«Лобок мой сильнее, чем лобик, и это... для женщины нормально». Да, конечно, «лобок» он и в Африке, и в Париже лобок! А Бондаренко говорит, что сие – патология... Это для кого как! Тюменская «парламентская» газета «ТИ», например, так не считает. Она открыто, например, и честно заявляет, что «большими русскими писателями» являются – Найман, Рейн, Губерман, Бродский, Шендерович, фантаст Стругацкий, а остальные «Пушкины-есенины» не удовлетворяют её, газеты, тонкий эстетический вкус...

Так. Хватит. Скажем-вмажем без иронии, наконец. Всё это на современном российском и повсеместном уровне – ложь и обман. Наглость, которая «не оглядывается и не снижает голос ради приличия». Тот же набор распоясавшихся, как после Октябрьского переворота 1917-го, швондеров и шариковых. Подмена. Не только добра злом. Но и на национальном уровне. Оттого и беды наши. Беды современной Руси. Вот-вот, гляди, объявятся новоявленные латышские стрелки в длиннополых шинелях и часовых дел мастера в кожанках, с маузерами. Только не с красными, а с оранжевыми бантами. И впереди Березовский – в «белом венчике из роз»...

В предъущем памфлете «Подмена» говорил я памфлетно и о природе оборотней-перевертышей: вчера они служили ревностно красной идеологии КПСС, а затем с легкостью необыкновенной при Ельцине пошли служить Вашингтонскому обкому – со всеми его установками по Руси-России, и её многовековой культуре. Они и сегодня служат по плану А. Даллеса. И что! Усовестить кого из оборотней?! Иному из них плюнь в глаза, он все равно – божья роса! Привычно, как и положено на рынке-базаре. И в ответ тебе: «сам дурак». Такой-то ты сякой, неумытый окурнёвский, и забор-то у тебя огородный на боку лежит, и ленточки-то на флотской бескозырке у тебя неуставной длины, и газета-то у тебя малого тиража! (Ну еще бы! «Парламентская» «ТИ», где который уж год чисто конкретно орудуют в литвкладыше, распоясавшиеся «большие русские писатели», выходит за казенный кошт и насильственно распространяется по всем «зонам» – в зоны отдыха и в зоны вообще, в ящики пенсионерам, флибустьерам, вплоть до домов умалишенных!) И сеет злобу «парламентская», будто не может быть иных тем, кроме как оплевывать писателей, сумевших трудом и талантом что-то достичь в творчестве. Бесконечна эта хаимская злоба. Как выражался любимец демократ-агрессоров Н.С. Хрущев: «Черного кобеля не отмоешь добела!»

А караван идет...

И все же! Швыдкие продолжают творить свои черные дела. «Завтра» (№ 14, 2005) сообщает, что в недрах Министерства культуры РФ готовится многотомное издание Большой Российской энциклопедии взамен «Ушацевской» Большой Советской. Под началом того же Швыдкова – большого борца с «русским фашизмом» и отпетого матерщинника. Шеф-редакторам разделов энциклопедии предписано дефиницию «русский» менять на «российский». «Таким образом, – пишет автор заметки М. Сапонов, – «великий российский писатель, граф Лев Николаевич Толстой» из области прибалтийского шансона шагнет на страницы издания, которое должно являться визитной карточкой нашей страны в мировой культуре. Все русские художники, писатели, деятели искусства – как ныне здравствующие, так и ушедшие из жизни – срочно будут переделаны в «российских». Так сказать, по нынешней государственной (а не культурной) принадлежности».

Не дико ль, уважаемый читатель, звучит: «Великий российский поэт Александр Пушкин?». Поглумятся, назовут и чисто конкретной: россиянский. Далее – Есенин, Маяковский, Шолохов, Твардовский... Это писатели. А как быть с великими Русскими – Менделеевым, Королёвым, Юрием Гагариным?

Нет предела глумлению над нашей Родиной.

Николай Денисов.

ЛИКИ РУСИ

*Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоем мы головою
За Родину свою!*

Михаил Лермонтов.

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО ЕГО

Юмор и сарказм Сталина

МАО

Представляя Мао Цзе-дуну киноактера Бориса Андреева, исполнившего главную роль в фильме «Падение Берлина». Сталин сказал:

– Вот артист Борис Андреев. Мы с ним вдвоём брали Берлин. Когда Мао Цзе-дун был у Сталина, попросил разрешения поселить 20 миллионов китайцев на Дальнем Востоке.

– У меня своих 200 миллионов хватает, – ответил Сталин.

«ИВАН СУСАНИН»

В Большом театре готовили новую постановку оперы Глинки «Иван Сушанин». Послушали члены комиссии во главе с председателем Большаковым и решили, что надо снять финал «Славься, русский народ!» – церковность, патриархальщина... Доложили Сталину.

– А мы поступим по-другому, – сказал Сталин, – финал оставим, а Большакова снимем.

«КРЕМЛЁВСКИЕ КУРАНТЫ»

По пьесе Н. Погодина «Кремлёвские куранты» был снят и художественный фильм. Сталин его посмотрел и сказал:

– А что русского не нашлось, чтоб эти часы запустить? Роль наладившего главные часы страны в фильме исполнил еврей.

ПИСАТЕЛИ

...Партийному работнику Поликарпову сообщили, что хотят направить на работу ответственным секретарём в Союз писателей. Поликарпов взмолился:

– Я привык работать с нормальными людьми, а писатели – они же пьяницы, совершенно неуправляемые... Когда об этом доложили Сталину, он сказал:

– Передайте товарищу Поликарпову, что других писателей у меня нет.

СЕКРЕТАРИ

...Сталин позвонил в Союз писателей, но его не смогли соединить ни с Фадеевым, ни с Сурковым – ни с кем из руководства. Отвечали только секретари. Сталин спросил у членов Политбюро:

– Почему погибла Римская империя? – И сам же ответил: – Потому что ею стали управлять секретари!

РАЗГОВОР С ПАСТЕРНАКОМ

Ночью раздался телефонный звонок в квартире Пастернака:

– С вами говорит некий Сталин. Борис Леонидович, что вы думаете о поэте Мандельштаме? Пастернак, зная, что Мандельштам арестован, сказал:

– Иосиф Виссарионович, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Товарищ Пастернак, – ответил Сталин, – в своё время мы лучше защищали своих друзей! – И повесил трубку.

После гибели Мандельштама совесть мучила Пастернака всю жизнь...

ДАЛЬШЕ ЕДЕШЬ...

– Троицкий отправлялся с огромным количеством багажа на поезде малой скоростью в ссылку в Алма-Ату. При прощании сказал Сталину:

– Тише едешь, дальше будешь?

– Дальше едешь, тише будешь, – уточнил Сталин.

ЧТО БУДЕМ ДЕЛАТЬ?

Начальник Генерального штаба Красной Армии А.М. Василевский показал И. В. Сталину целую пачку кляуз на генерала армии И.Д. Черняховского. Речь в них шла о том, что он неравнодушен к женщинам, а они к нему.

– Что будем делать? – спросил Василевский.

– Что будем делать? Что будем делать? – задумался Сталин: – Завидовать будем!

БУДЕННЫЙ

Во время Московской битвы Буденный сказал Сталину, что новых шашек нет, и кавалеристам выдали старые с надписью «За веру, царя и Отечество».

– А немецкие головы они рубят? – спросил Сталин.

– Рубят, товарищ Сталин.

– Так дай же Бог этим шашкам за веру, царя и Отечество! – сказал Сталин.

БУТЫЛКА БАЛТИЙСКОЙ ВОДЫ

В результате наступательной операции советские войска вышли к Балтийскому морю, и командующий генерал Баграмян решил порадовать Сталина, послав ему бутылку балтийской воды. Но пока эта бутылка добиралась до Кремля, немцам удалось отбить плацдарм и потеснить наши войска с побережья. Сталин уже знал об этом и, когда ему вручили бутылку, сказал:

– Верните её товарищу Баграмяну, пусть он её выпьет в Балтийское море!

КОЛЛЕГА

...В Москву из Парижа приехал крупный деятель православной церкви, который в своё время учился вместе со Сталиным в Тифлисской духовной семинарии. Захотел увидеть своего соученика и, получив приглашение, церковный деятель спросил, в какой одежде лучше прийти – в церковной или мирской? «Лучше в мирской» – посоветовали ему.

...Встретились тепло. Потом Сталин тронул штатский костюм гостя и сказал:

– Бога не боишься, а меня испугался?

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Чан Кайши назвал Сталина «великим учителем», на что Сталин заметил:

– Тоже мне, дети!

НА ОЗЕРЕ РИЦА

Однажды Сталин с несколькими охранниками поехал отдохнуть на озеро Рица. Однако дача оказалась неподготовленной – даже спать было негде и не на чем. Легли прямо на берегу – в спальных мешках. Среди ночи Сталин проснулся.

– Ну и храпите же вы! – сказал он охранникам, взял свой спальный мешок и пошел досыпать один.

ОХРАННИК

В поездках Сталина часто сопровождал охранник Туков. Он сидел на переднем сиденье рядом с шофером и имел обыкновение в пути засыпать. Кто-то из членов Политбюро, ехавший со Сталиным на заднем сиденье, заметил:

– Товарищ Сталин, я не пойму, кто из вас кого охраняет?

– Это что, – ответил Иосиф Виссарионович, – он еще мне свой пистолет в плащ сунул – возьмите, мол, на всякий случай!

СЫН ЦАРЯ-«МИРОТВОРЦА»

Государь Александр III в одной из своих поездок согрешил с некоей особой простого звания, которую просил сообщить ему, если вдруг кто родится у неё.

В положенный срок государь получил известие, что родился мальчик. В ответ пришла высочайшая телеграмма: «Отроку дать имя Сергей, отчество моё, фамилия – по прозвищу». Так и появился на свет Сергей Александрович Миротворцев. В своё время он сумел избежать трагической участи царской семьи, ибо не распространялся о своем происхождении. Однако позднее, в тридцатые годы, чекисты раскрыли, чей он отпрыск, и завели на него дело. Но бумаги каким-то образом попали Сталину, и тот написал на них следующую резолюцию: «Он не виноват, что его отец был такой блядун».

С.А. Миротворцев стал профессором, за заслуги получил Сталинскую премию.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

После Тегеранской конференции 1943 года, на которой Рузвельт и Черчилль испытали сильное давление Сталина по вопросу открытия второго фронта и по другим союзническим соглашениям, стали рассказывать следующее. Утром Черчилль перед очередным заседанием говорит:

– Мне сегодня приснилось, что я стал властелином мира!

А мне приснилось, – сказал Рузвельт, – что я стал властелином Вселенной! А вам что снилось, маршал Сталин? А мне приснилось, – неторопливо ответил Сталин, – что я не утвердил ни вас, господин Черчилль, ни вас, господин Рузвельт.

(Из книги Ф. Чуева «Солдаты империи» и из других источников).

“НА ПОЗИЦИИ ДЕВУШКА ПРОВОЖАЛА БОЙЦА...”

В.А. Орлов

Г.Ф. Сысолятин

И.М. Ермаков

На этой странице помещаем фотографии тюменцев — участников Великой Отечественной войны, которые после фронта стали писателями, поэтами, артистами, художниками. В разные годы они активно печатались и на страницах «Тюмени литературной», являясь настоящими патриотами своей Родины — России, Русской Земли. Это заслуженный артист России Виктор Андреевич Орлов — пехотинец, старшина, защитник Сталинграда, награжден многими орденами и медалями, в том числе тремя медалями «За отвагу». Далее (по ходу солнца) майор-артиллерист, член Союза писателей России, заслуженный деятель искусств Геннадий Филимонович Сысолятин; замечательный сибирский сказитель, член Союза писателей СССР, лейтенант-пехотинец Иван Михайлович Ермаков; лейтенант пехоты, известный в Сибири баснописец Георгий Алексеевич Первышин; красноармеец Сергей Борисович Борисов, рабочий и поэт, живущий сейчас в селе Окунёво Бердюжского района; Остап Павлович Шруб, заслуженный художник России, в войну гвардии старший лейтенант, командир пулеметной роты; на групповом фото — ветераны войны, офицеры и старшины с наследниками боевой славы Военно-Морского флота — в день ВМФ (25 июля 2004 года); завершает портретную галерею снимок поэта, члена Союза писателей России, танкиста, десантника, гвардии майора, в мирной жизни — сибирского казачьего атамана Евгения Федоровича Вдовенко.

Е.Ф. Вдовенко

Г.А. Первышин

В День ВМФ, 25 июля 2004 г.

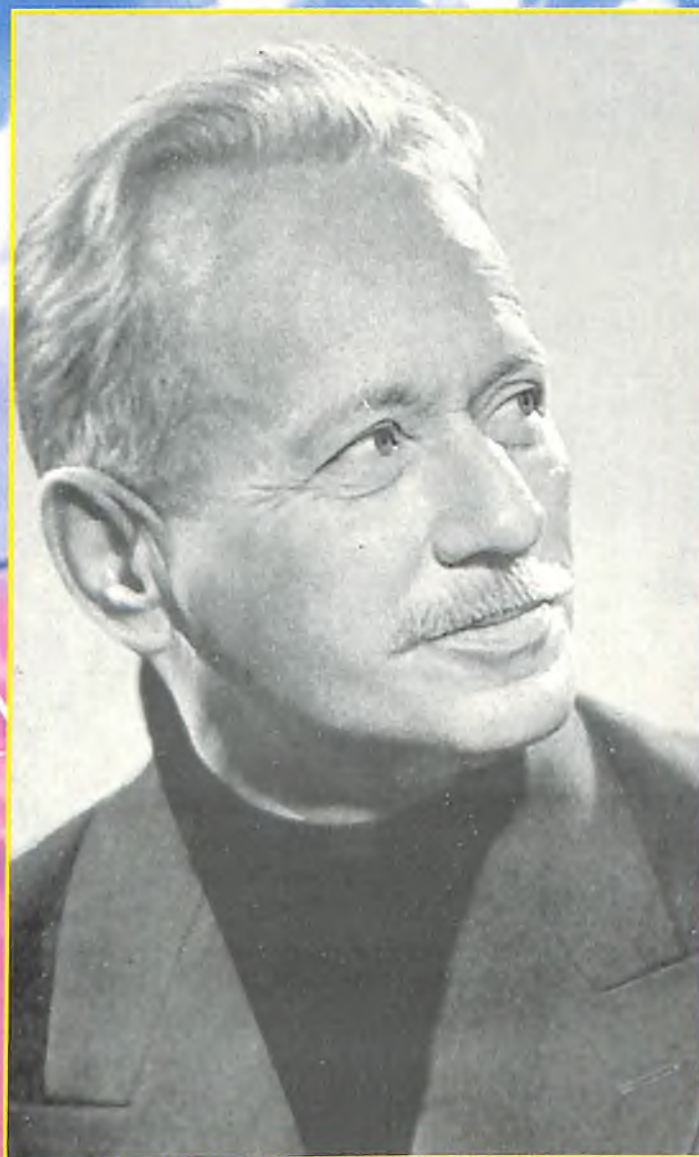

О.П. Шруб

С.Б. Борисов

Сто лет со дня рождения выдающегося русского писателя

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

* * *

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

ТЮМЕНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов,
коллектив редакции.
Газета зарегистрирована Министерством печати
и информации РСФСР 29.10.91 г.
Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции,
Ханты-Мансийская писательская организация, област-
ное общество русской культуры, объединение рус-
ских кадет в Венесуэле и США.
Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печ-
ати» комитета по печати и средствам массовой
информации Курганской обл.,
641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в
печать 22.04.2005. Тираж 700 экз. Заказ № 536.
Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. Пятковой.
Корректор В. Бумагина.

Главный редактор Н.В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят
и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать
с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

